

Герда

Краткое содержание:

Владимир Земша

В центре внимания в рассказе – обычная дворняжка по имени Герда. Читатель получает возможность посмотреть на окружающий мир и, возможно, самого себя, собачьими глазами.

Волею человеческого беспечного эгоизма, маленькая Герда ещё, будучи щенком, оказывается на улице. Она проходит через все трудности выживания в мире, где человек – безраздельный хозяин. Хозяин, служить которому, собственно, и создано собачье сердце. Ведь привязанность к человеку у этого животного куда сильнее, нежели привязанности даже к своим собратьям!

Основная мораль, проходящая через рассказ, состоит в том, что всё в этом мире к нам возвращается и добро и зло.

(По мотивам реальных историй).

«Герда»

(Или история одной дворняги)

*В кровавом зареве заката,
В агонном ужасе смертей,
Лежат убитые щенята,
Жестоккой волею людей.*

*Лежат пушистые комочки,
Их души воют и скулят.
Здесь мать и маленькие дочки,
Прижались шкурками ряд в ряд.*

*Им не резвиться на лужайке.
Над ними солнце не взойдёт.
И голос любящей хозяйки,
Их никогда не позовёт.*

*Убиты током и забыты.
Среди покрышек сожжены.
Но ведь однажды будут квиты,
И злом за зло отомщены!*

*Простите, преданные друзья,
Убийство лютее своё!
Над вами плачут с воем вьюги.
И кружит злое вороньё.*

(В. Земша декабрь 2014 г.)

Пронзительный собачий визг наполнил пространство среди многоквартирных высоток, отражаясь эхом от серых бетонных стен. Слышалась негромкая брань, топот, какая-то возня.

- Держи её!
- Чё ты скалишься, сучье племя!
- Давай-давай! Не рыпайся!
- Тащи её!

Два мужика в синих спецовках с оранжевыми вставками тащили упирающуюся, бежевого, или, как говорят собаководы, палевого окраса, собаку, на голову которой были наброшены удавки. Эти двое выраженно пахли какой-то смесью пота, адреналина, бензина, металла и вчерашнего табачно-водочного перегара. Собака испуганно смотрела в их злобные точки зрачков, устремлённых на неё, мотая отчаянно головой, упираясь лапами. Сердце бешено колотилось. В собачьих глазах помутнело от стресса. Лязгнули металлические засовы. Захлопнулись двери. Стало темно. Запахи бензина и собачьего застарелого страха, от которого всё

пространство здесь словно звенело, ударили ей в нос. Чавкающее жужжание стартера подхватил плевками мотор, и всё металлическое чрево собаколовов наполнилось тряской движения...

Какой-то босой человек в одних трико, голый по-пояс, яростно прожигая взглядом удаляющуюся «Газель», мчался вслед, крича и размахивая руками.
- Герда-а!... Стойте!

Примерно годом ранее.

- Да утопи ты эти безродные твари, - благопристойного вида женщина, посмотрела с крыльца в сторону собачьей будки на сморщенных беззащитных щенков, тычущихся своими пищащими мордочками в мамкино чёрное бархатистое брюшко.

- Ну, Жучка, паскудная же собака! Нагуляла себе приплоду от Пирата! – добавила женщина и перевела взгляд на мужа, копошащегося неподалёку.

Пират, это был соседский сторожевой пёс рыжего окраса. На воротах этого дома было написано: «Осторожно! Злая собака!», что полностью соответствовало написанному. Хотя было бы сложно точно сказать, кто в этом доме был злее, пёс или её хозяин, воспитывающий своего питомца себе под «стиль»!

Жучка, виновато опустив голову на бок, пытливо из будки смотрела хозяйке в глаза, словно пытаясь уловить в них свою судьбу и судьбу своих отпрысков, затем, зевнув, от нахлынувшего чувства тревоги, она, ища по-собачьи примирения, отвернулась. Своим чутьём она понимала, что что-то не устраивает её хозяйку. Но вот что именно? Она принялась с усердием лизать попискивающие комочки, обнюхивая каждого.

Как она чувствовала, эти беззащитные создания явились на свет именно для того, что бы стать объектом её заботы и её защиты. Материнский инстинкт требовал от неё полной самоотдачи ради них. Но только вот что думают обо всём этом её хозяйка и хозяин? Что дальше? Что же будет дальше? Впрочем, собаке не свойственно заглядывать в далёкое будущее. Так что её беспокоил лишь вопрос ближайшего момента. Как и любая собака, она легко выделяла своих лохматых соплеменников от людей, однако последние казались ей какими-то особыми разновидностями всёмогущих собак, служить которым и было её призвание безродного дворового пса, проводящего свою жизнь, если вообще повезёт иметь хозяев, на цепи вокруг своей будки. Ей повезло больше, чем соседскому Пирату, которого хозяин держал в ежовых

рукавицах, будучи убеждённым в том, что доброта только «портит собаку». Поэтому не только сам её не баловал, но других, вообще держал на приличном от неё расстоянии, формируя в собачьей голове «образ врага» вокруг, даже в лице собственных соседей! Так что Жучке вообще – то повезло! Хозяева её были, в принципе, сердобольными, иногда спускали с цепи, давали порезвиться. А хозяин даже иногда брал её с собой в лес. Лес, полный такого раздолья! Хозяин в лесу, в отличие от неё, не бегал и не резвился. Он занимался там совершенно странными для неё вещами. Но она охотно кидалась в воду за брошенной им палкой, счастливо выскакивала на песчаный берег, неистово отряхивая свою чёрную шерсть. Мир вокруг был наполнен такой вожаделенной радугой запахов растений и жизни, чарующим ароматом иных собак, каждый из которых манил её к себе, словно магнит, порой лишая, особенно по весне, покоя. Периодически её неудержимо тянуло к своим лохматым собратьям. Трудно было понять, для чего. Но что поделаешь против инстинкта! Да-да, именно, заложенного природой-матушкой, инстинкта, волею которого, её так сильно и тянуло на эту, полную неведомых приключений, свободу. Она уже совсем не помнила свою мать. Ведь они расстались так давно! Примерно два или три года назад. Что тут поделаешь!

(Собаки быстро забывают, как своих родителей, так и детей. Это происходит, как только подростки «ошерстившиеся» щенки перестают нуждаться в материнской опеке. А вот с собачьим отношением к человеку дело обстоит иначе. Собачья преданность своему хозяину снискала не только всеобщую известность, но и стала эталоном беззаветной самоотверженной верности, не требующей многого взамен.)

Сейчас Жучка впервые стала матерью, и мир предстал перед ней с новой, совершенно неведомой ранее стороны. Теперь она не прежняя беспечная молодая сука, ищущая приключений, а степенная мать. Она часто дышала, открыв пасть, спустив язык набок, облизываясь, время от времени. Рядом копошились в подбрюшье щенки.

- Сосед! Слухай!- из-за забора высунулся хозяин Пирата.

Это был плотного телосложения мужчина лет сорока пяти, он всегда двигался уверенно, как лев, его глаза были наполнены холодной безжалостной жестокостью. Глядя на него, казалось, нет в мире ничего, что могло бы поколебать жёсткое сердце этого человека.

Увидев Жучку, он осекся.

- О, эта щё, оценилась твоя сука шоли?
- Спасибо, тебе, сосед, и твоёму кобелю!
- Да, ладна! Всегда пажалста! Ты вот щё, просьба к тебе ё.
- Кака така просьба-то, сосед?
- Да така! На, вот, ты колбасу моёму Пирату кинь, а як он до тебе подойдет, ты его палкой то и огрей. Не очень сильно, тока. Ага?
- Ты чё, сосед? Накой то нужно?
- Да на той, дрессирую я пса свохо, щёб он тока у своих жратву брал.
- Ну, сосед, ты как хошь, но я же твой сосед! Не буду пса твоёго бить!
- А-а-а, - манул тот рукой, - ничохо ты не разумеешь!

Этот человек, из всех живых существ, если кого и любил, так только собак, остальных – исключительно привязанных к дереву в виде охотничьего трофея. Его душа источала злобный дух, отражаясь в выражении его лица, постепенно ставшее подобно злобной маске, отражающей сущность этого человека. Ведь недаром говорят, что "в двадцать мы имеем то лицо, которое дала нам природа, в тридцать - какое сами сделали, а потом - какое заслужили». А что заслужил этот человек? Ведь он получал удовлетворение от убийств животных, которых он любил лишь как мишени, да и собаки, те для него были лишь слуги, служащие его прихотям. Для этого он и держал псину в «ежовых рукавицах», натравливал на барсуков и иную живность, развивая в ней агрессивность.

Итак, злобный сосед скрылся. Хозяин только усмехнулся ему вслед: «Ну чё за человек!»

- Клавдия, хде ведро? – мужчина вернулся мыслями к своей проблеме, решительно подошёл к будке. Споткнувшись о цепь, вступил в собачьи испражнения, зло выругался.
 - Ну, Жучка же, нагуляла приплоду, а мне теперь тут...! – он стукнул кулаком по будке, неистово, с брезгливостью отирая подошву о землю. Он был крайне не рад, что это именно ему теперь предстоит делать эту грязную, паскудную работу! Да что уж тут поделаешь, мужик он или не мужик, в самом-то деле?!
- Собака вздрогнула, прижала голову к земле. Посмотрела на хозяина, пытаясь уловить причину его недовольства, ничего не поняв, принялась снова вылизывать малышей. Возможно, предполагая, что именно этого и ждёт от

неё её любимый хозяин. К своим пищащим малышам она могла допустить лишь его, к которому её доверие было безграничным. Она смотрела, как хозяин берёт одного за другим, лишь сердце в волнении усиленно билось. Лишённые материнского тепла, они сучили лапками, открывали розовые маленькие беззубые ротки – пищалки.

- Ой! Каки-и-е ма-а-аленькие! – появился восьмилетний хозяйский сын, протянул руку.

- Иди, иди, иди, сынок, иди! – отец повернулся к жене, - мать! Ну, ты чего-о? Куда смотришь?

- Папа, дай посмотрю-ю-ю! – продолжал мальчишка.

- Да дай ты ребёнку! – поддержала мать сына, - пусть себе поиграется.

- Я вот этого, светленького хочу! – мальчишка оживился.

- Поигра-а-ется! Ну, зна-а-ешь! – отец недовольно вытащил из ведра одного из пискунов, сунул сыну, - держи Петька, твоё, - и, явно психуя, продолжил свой прежний путь к мойке...

Сука натянула укороченную цепь до душащей тяжести в ошейнике. Стояла, напряжённо высматривая ушедшего за угол хозяина. Она урывисто дышала открытой пастью. Капли слюны часто падали на землю. Под брюхом отвисли набухшие «сосочные ряды», ожидая тех, для кого и были приготовлены. Но всё тщетно. Тщетны и бесполезны собачьи горькие слёзы, тихо катящиеся по горлу и выедающие сердце своей безмолвной тоской безнадежности. Эти полные безысходной грусти собачьи глаза, виновато, с надеждой и горьким укором, смотрящие на вас...

(Некоторые скажут, что это сопливый бред, ведь собаки не умеют плакать, но так думают лишь те, кто безнадежно заражён «проказой» слепого высокомерного жестокосердечия, расплата за которое придёт неизбежно. Ведь человек становится человеком исключительно через добродетель и способность к состраданию, человеческому состраданию!)

Вскоре хозяин вернулся, сплюнул на землю, бросил пустое ведро в сарай. Ярко светило солнце. В ветвях деревьев щебетали птицы, хлопоча о своих птенцах. Порхали, спариваясь, бабочки. Вся природа, казалось, была озабочена одним... Водная гладь лужи, надменно подёрнутая зыбью, равнодушно отражала синее небо. А в компостной гниlostной яме, что неподалёку, среди пирующих здесь зелёных откормленных мух, уныло было погребено всё то, что было уже не нужно этому яркому солнечному миру. Вот и всё. Всё так грустно закончилось для них, даже и не начавшись...

Мальчишка вышел из калитки. Когда он проходил мимо соседского дома, Пират едва не выпрыгнул из шкурки, злобно лая и рыча из-за забора.

«Только бы не вырвалась на волю эта страшная рыжая псина»! – подумал мальчишка, сжавшись.

Пират был свиреп. Он ненавидел людей, которые для него были лишь источником старых страхов, закреплённых «отрицательными условными рефлексам», которые, согласно теории, в отличие от «положительных», формируются обычно с первого же раза! Источником же более-менее «положительного условного рефлекса», служил его злобный хозяин, которого он воспринимал, от большего, как источник еды, но редко – внимания и ласки. Ибо его хозяин считал, что ласка только «портит пса». От того, протянутую в его сторону руку, Пират воспринимал как готовящийся акт агрессии и обычно начинал скалить свою клыкастую пасть...

И вот, где-то позади лай злобного рыжего Пирата. Петька браво шагал со щенком в руках по улице «частного сектора», за спиной которого горами возвышались многоквартирные высотки нового спального микрорайона.

- Колька, Маринка! Смотрите! Кто тут у меня ёсть! – он вытянул ладонь со щенком, - ходь сюдой!

Детвора с любопытством облепила мальчишку.

- Ой, какой он ма-а-ленький!

- Дай потрогаю!

- Ой, смотри-и-и! А него уже есть хвостик! Ма-а-аленький такой.

От такого внимания Петька чувствовал себя героем дня. Авторитет его популярности рос буквально на глазах. Так, по-крайней мере, ему казалось. Он был горд. Щенок теперь его беспокоил гораздо меньше, чем это приятное ощущение себя «осью», вокруг которой в этот миг вращался, казалось, весь знакомый ему детский мир.

- Петя, а дай поддержать мне. Можно? – девочка вытянула ладошки и проникновенно посмотрела ему в глаза.

- Па-жа-а-лста! – снисходительно ухмыльнулся Петька и протянул щенка Маринке.
 - А как его зовут?
 - Не знаю. Никак ещё,- пожал плечами хозяин пушистого чуда.
 - Ой-ой-ой! Он щекочит мне ладошки ротиком. Он хочит меня скушать, - девчонка весело сморщилась, втянув голову в плечи.
 - Он сиську ищет, нафиг ты ему нужна! – заявил Колька.
 - Нашёл где сиську искать! – усмехнулся Петька.
 - Это мальчик или девчонка? – любопытствовала Маринка.
- Петька, задумавшись, перевернул щенка кверху пузом, и вся дружная братия принялась внимательно изучать ситуацию под хвостом...
- Сучка! – наконец, Колька вынес вердикт.
 - Сам ты су-у-чка! – Петька неодобрительно посмотрел на товарища, - это девочка! Собаческая девочка.
 - А давай, назовём её Лизкой,- предложила девочка.
 - Лизкой? Почему Лизкой? – пожали плечами мальчишки.
 - Да потому что она лижет мне ладошки! – засмеялась Маринка, - потому она и есть Лизка!
 - Ну, не зна-а-ю! – задумался Петька, – я думал Бежкой назвать, за цвет...
 - Не-е-е, Лизка лучше! - Маринка сложила губки бантиком, – Петь, а Петь, подари мне Лизку, вытянув нижнюю губу, открыла как можно шире глаза, подняла жалобно вверх брови.
- Петька усмехнулся. Задумался, хитро посмотрел на подружку.
- Ну? – Маринка свела брови.
 - Да пажалста! Дарю-ю! – щедро, словно с барского плеча, прозвучал ответ, - у меня дома ешо ёсть пять штук таких же! ...

Спустя несколько месяцев.

Квартира одной из множества новых многоэтажек, динамично, на радость горожан, наступающих на городские пригороды типовыми спальными микрорайонами, была наполнена утренней суетой.

- Да ё маё опять лужа! - Маринкин отец брезгливо поскакал на одной ноге в ванную.

– А ты как хотел? Выгуливать нужно вовремя! – резонно заявила Маринкина мать.

– Вот Маринка себе завела игрушку, хай и выгуливает! – выкрикнул из ванны отец.

– А мне в школу к восьми! Мне некогда, – возмутилась Маринка, потирая заспанные глаза...

Едва отец вышел из ванной, держа в руке мокрые скомканные носки, как снова раздался его возмущённый баритон.

– А это что? Теперь твоя Лизка сгрызла мне ботинки, мало ей было маминых туфель на прошлой неделе! – он снова отчаянно взмахнул руками, пнул боты, взялся за голову.

Маринка молча хлопала глазами, типа «она тут ни при чём».

– А я вам говорила, собаке не место в квартире с человеком! – уже раз в сотый или даже тысячный заявила Маринкина мама, – да отнеси ты её, наконец, назад в частный сектор.

– Выбросить предлагаешь? – отец глубоко втянул в лёгкие воздух.

– Да ей там лучше будет. Она там себе двор найдёт и будет счастлива. Точно тебе говорю!

Маринка насуплено молчала, пакуя школьный рюкзак....

Прошло еще сколько – то времени...

Молодая бежевая сука неприкаянно бегала по деревенской улице, зажав в зубах любимый мячик. Одна. Куда-то исчезли хозяева. Увлечённая игрой, она и не заметила. Ведь воздух свободы вокруг был таким пьянящим! Таким манящим. Лизка бросилась за скачущим по дороге мячом и всё...

Смеркалось. Небо залилось багряным заревом, отражаясь в окнах домов, где временами уже начинали включать свет. И красочный мир стал погружаться в двуцветную черно-белую гамму. Ей становилось страшно. Она пробежала мимо забора, откуда её демонстративно облаяла какая-то черная собака, явно отрабатывая перед своим хозяином свой «собачий хлеб».

– Жучка, заткнись, – раздражённо гаркнул на неё хозяин.

Лизка остановилась. Словно лёгкой тёплой волной смутные воспоминания лизнули её нос знакомыми запахами. Она, внюхиваясь, урывисто перекачивала мокрым чёрным пяточком носа воздух, стараясь уловить те

мимолётные знакомые волны, моментально растворяющиеся в бурных потоках иных, совершенно чужих запахов. Снова раздался лай Жучки и скрежет, волочимой по земле, цепи.

Ей начала вторить из соседнего дома рыжая злобная псина.

- Да, блин! На кого они там лают?

- Да, тут собака какая-то приبلудная за забором бегают.

- Петька, шугани ты её, а то наша совсем на дерьмо изойдёт, - мужчина повернулся к своему псу, - Жучка, фу-у, сказал же тебе! А Пират и без того беснуется на любой шорох. Да шо это за безобразие! Соседа уже неделю не видно. Сам переехал, а пса кинул. А пёс не кормленный. Сыну, ты кинь ему опосля чего пожрать, может.

- Бать, мож лучше выпустить его, нехай сам себе еду на'йдет, а то помрёт на цепи-то. Жратву он от нас- то всё равно не возьмёт. Всё, как его хозяин научил!

- Да как такого выпустишь, он к себе не подпускает, жутко уж злая тварюга! Да и страшно такого-то спускать-то с цепи!

- Помрет значит!

Пацан, манул рукой и отправился за калитку, выйдя на улицу, топнул ногой по земле перед испуганной Лизкой.

- Брысь, давай, беги тудой!

Сердце Лизки испуганно сжалось. Она отпрыгнула в сторону и, озираясь, время от времени, побежала в сторону знакомых ей многоэтажек, в теплящейся надежде всё же разыскать её потерявшийся дом.

Осенний вечер погасил алые закатные краски прежде обычного. Дворовые пустеющие пространства, окружённые серыми вершинами многоквартирных высоток, светящихся оконными сотами, наполнились стынувшим одиночеством. Эти серые бетонные стены словно разделили весь мир надвое. На светлый тёплый мир уютной безмятежности и тёмный мир, полный равнодушного холода, и неприятных неожиданностей. Лизка тщательно обнюхивала пыльные дворовые тропинки, протоптанные жильцами назло заасфальтированным дорожкам, облезлые ножки скамеек, пакостно обмеченные собаками.

- «Ну, где же они, знакомые следы родного двора?» - нервно думала она.

Пробежал невозмутимый пёс. Его шелковистые рыжевато-коричневые локоны шерсти щедро спадали с боков, большие уши обрамляли благородную морду. Как он был элегантен! Герда даже принюхалась своим чёрным мокрым носом кобелю вслед. В воздухе шлейфом за ним веяло запахом, словно «Hugo Boss», не меньше, если перевести на человеческое-то восприятие. Рядом шёл скучающий хозяин, ёжась и зевая. Такова она, хозяйская участь. Выгуливать своего питомца, невзирая ни на дождь, ни на снег, ни на какие иные обстоятельства, бессовестно позволяя своему питомцу обгаживать прилегающие дворовые территории, включая и детские площадки, назло своим соседям. Вот и сейчас. Пёс присел прямо на детскую песочницу..., хозяин отвернулся, вжав голову в плечи, типа «моя хата с края, ничего не знаю, ну и, разумеется, ничего не вижу»...

Вскоре хлопнула дверь подъезда, и холёный пёс с хозяином исчезли. Лизка подошла к подъезду, обнюхала дверь. Как он был похож на её обитель, ставшую для неё родной. Но, увы, ни единого знакомого запаха. Что тут поделаешь! Все дома и дворы в «спальных» микрорайонах похожи один на другой...

Из-за угла дома показались три пса. Один – большущий и лохматый, со шрамами на морде, и бельмом на глазу, вероятно, от драк с другими псами или как следствие человеческой жестокости. С его боков свисали чёрные с проседью «дреды» сбившейся шерсти. Другой – стройный, гладкошерстный светлого окраса пёс, склоняя голову перед вожак, следовал сбоку, слегка отставая. Третий, самый мелкий, хаотично мельтешил, прихрамывая на одну лапу, обнюхивая всё вокруг, подбежал к Лизке, понюхав, отошёл, остановился напротив. Ощущение принадлежности себя к стае придавало ему уверенности. Он глухо зарычал. Остальные остановились поодаль, вяло наблюдая. Лизка прижала уши, зевнула и отвернулась, готовая, тем не менее, к молниеносному броску. В её планы вовсе не входила ни эта встреча, ни, тем более, драка с дворовой стаей. Тут вожак неожиданно сорвался, подбежал к Лизке, понюхал её съёжившуюся мордочку, обошёл сзади, бесцеремонно сунул нос под хвост, от чего та аж подпрыгнула, опустив стеснительно свой зад к земле, кружась вокруг своей оси. Пёс, покружившись за ней чуток, остановился, снова обнюхал её и, отвернувшись, отошёл. Вероятно, это было признание! Признание и принятие её в дворовую стаю. Лизка, так же, уловив запахи доминирующего альфа-самца, нещадно отметившим все дворовые территории вокруг резкими ароматами своего дешёвого дворового «Шипра», выразила своё собачье почтение и признала

доминанту над собой. Вожак, очевидно, заинтересовался в Лизке. Теперь свой интерес не скрывали и другие, активно присоединившиеся к процессу собачьего знакомства. Собаки вообще ничего не скрывают, им незнакомы ни чувства стыда, ни чувства приличия. Чего нельзя сказать о собачьих чувствах ревности и стремления к своей доминанте! Так что вскоре вожак издал лёгкий рык, явно напоминая приятелям, кто в доме хозяин, он последовал далее, и вся стая, с новым пополнением, устремилась за ним...

– Эй, архаровцы! – женский прокуренный голос возле одного из подъездов заставил собак вздрогнуть, – жрите, вот вам, бедолаги бездомные!

Она осторожно вывалила на пакет куриные кости, остатки хлеба и прочие объедки. Отошла в сторону. Достала сигарету, понюхала, запалила и втянула жадно полными лёгкими гадкую никотиновую смесь дыма, приносящую ей умиротворение и радость, наверно даже бо'льшую, чем собаке ароматная косточка...

Едва, уже изрядно проголодавшаяся Лизка, сунула морду в пакет, издающий божественный запах долгожданного ужина. Какой аромат! «Французская кухня», не меньше... Раздалось глухое рычание и вожак, обнажив желтые клыки зубов вытянутой для атаки пасти, ринулся в её сторону. Та, поджав хвост, отскочила в сторону. Остальные псы лишь завистливо наблюдали из тени, как тает скудная провизия под жадным напором челюстей их лохматого, похожего на чёрта, предводителя стаи.

– Ну, ты, один всё сожрёшь, вот же засранец! – воскликнула сердобольная женщина, топнула ногой, что бы отогнать зажавшуюся собаку, но, получив нотки гортанного рыка в ответ, манула рукой и поспешила скрыться в подъезде. Что же! Известное кино! Не трожь собаку во время трапезы!

Вдруг одна из собак взвизнула и, пронзительно скуля и подвывая, завертелась подобно юле. Лизка напряглась. Вожак перестал жрать. Раздался хохот пацанов в окне дома напротив. Они передавали из рук в руки какую-то гладкоствольную палку, к которой они зачем-то прикладывались щеками по очереди. В эту минуту Лизку больно прошила боль в боку, она взвыла, пополня жалобный плач других псов, и они все вместе пустились на утёк. Мир вокруг был не просто равнодушным зрителем происходящего, казалось, сам мир вокруг буквально источал эгоистичное презрение к чужому страданию, упивался причинением кому-то, кто не может противостоять,

боли, любого зла, которое только может родиться в самом воспалённом воображении.

(Ведь лишь закон, несущий ответственность за содеянное, способен остановить многих от совершения зла. А там, где ответственность не наступает, человек способен на всё, что угодно. Безнаказанное причинение боли и страданий другому, в особенности, безответному существу, приносит таким радость и маниакальное удовлетворение.

Человек, источая зло и презрение к окружающему миру, через призму своего эгоистичного потребительства, ещё смеет рассчитывать на то, что посеянное зло ему не вернётся, не отзовётся в страданиях и мщении со стороны обиженных и обделённых? А человеком обижен весь этот грешный Мир! Он, этот мир вокруг, и есть отражение его, человека сущности. Той самой, во спасение которой и страдал Иисус! Мы сами создаём то, в чем сами и живем. Мы, люди, и есть наш Мир вокруг нас! И даже твари божьи, наши «братья четвероногие» есть отражение нашей, человеческой, сущности! Они и есть такие, какие есть мы. Злые и добрые. Верные и не очень...)

Прошёл месяц-другой.

Наступили первые заморозки. Стужа наполнила пространство. Белая позёмка лизала, слегка покрытые ледяной коркой, просторы двора, поднимая, порой, пыль в воздух, которая забивала шерсть, проникала в мокрый замёрзший нос, глаза, противно скрипела на зубах.

Лизка свернулась калачиком, рядом с двумя другими псами, на высохшей траве, нагретой собачьими брюхами под одним из балконных навесов. Рядом, на грязном тряпье, которое кто-то заботливо бросил сюда, вожак задумчиво положил морду на лапы. Казалось, вселенская тоска была в этих, повидавших свои собачьи виды, глазах, видевших и предательство, и страдания, и лишения... Кому оно есть дело до собачьей - то бездомной жизни! Уснёшь и не проснёшься, и никто даже и не заметит, не расстроится... Разве что слегка, может, огорчатся приятели по бездомному несчастью, да и то ненадолго. В мире суровых реалий нет места для излишних сантиментов, лишь борьба за выживание, за место на грязной тляке, за порцию тухлой жратвы! ...

День шёл к завершению. Свет уступал мгле. Зажглись дворовые фонари, вырывая из темени подъездные территории, ряды припаркованных тут же автомобилей.

Хлопнула дверь подъезда, и оттуда вылетела овчарка-подросток, таща свою молодую хозяйку на поводке. Видимо, это собака выгуливала свою хозяйку, а не наоборот! Собака облаяла бездомных собак.

- Тише, идём! – хозяйка потянула питомца дальше, за дом.

(Очевидно, хозяйка была одержима расхожим убеждением, что для серьёзных людей необходимо дома держать «настоящую» большую собаку, а не «шавку» какую-то. Так часто считают люди, даже и близко не осознающие всю степень социальной ответственности за такое решение, ответственности за уход и воспитание таких питомцев, способных создать проблемы и угрозы, как для окружающих, так, порой, и для самих хозяев!)

Едва Лизка проводила завистливым взглядом молодую женщину, выгуливаемую её псом, как, услышав шуршание у мусорного контейнера, сбоку от подъезда, наострила уши, подняла голову. Это были крысы – неизменные спутники людских обителей, словно тени человечески пороков, следующие всегда рядом.

(И что это за «мудрец» придумал проектировать подъезды в непосредственной близости с этими зловонными мусоропроводными чревами – исчадиями грязной антисанитарии, привлекающими эти неприхотливые мерзкие твари божьи, цепляющиеся за любые ниточки во имя выживания своего пакостного рода несмотря ни на что?!)

Лизка глухо зарычала. Другие два пса, кроме вожака, беспокойно подскочили. Вожак же лишь лениво зевнул, – «что возьмёшь с этой молодёжи?» - очевидно, значилось в этом зевке, - «тоже мне, нашли, о чём беспокоиться!»

Из темноты морозного вечера появилась девочка-подросток со школьным ранцем за плечами, подошла к подъезду.

- Ой! – она испуганно отпрянула, при виде скачущего откормленного грызуна, выронив книжку, - ух, какая ты огромная! Испугала меня! Девочка наклонилась, подняла книжку с надписью «Снежная королева», отряхнула, сунула подмышку.

У Лизки по-собачьи ёкнуло в груди. Она подскочила, подбежала к девочке, обнюхала.

Как она напоминала ей хозяйку! Но это была не она. И всё - таки собака лизнула девочке руку, опустила голову набок, и, прижав уши, посмотрела ей в глаза.

- Ах ты! - девочка погладила её по голове, - бедняжка, ты, наверное, голодная, да?

Лизка завилала опущенным хвостом.

- Подожди, я сейчас!

За девочкой захлопнулась дверь, но Лизка сидела и ждала, гипнотизируя подъезд. Казалось, она готова была так сидеть вечно. Малы́е псы поднялись и стояли поодаль, наблюдая. Вожак так же встал, тряхнул седыми «дредрами», опять зевнул всей пастью и снова улёгся. Он уже не раз видел такие сердобольные сцены. Его вера умерла много лет назад. Он знал точно – чудес не бывает. И его хозяин, внезапно исчезнувший здесь много лет назад вместе со строительной бригадой и строительным мусором, никогда не найдётся. А все эти людские сопельки, якобы, заботы, так – одни тщетные собачьи иллюзии. Пустые надежды. Ему- то это давно известно. Но как втолкуешь эти истины глупой наивной молодёжи? Пусть себе надеются... Он положил морду на лапы и закрыл глаза, оставив на дежурстве «бдить» лишь одно ухо.

Лиза ни на что особенно и не надеялась. Похоже, сам миг счастья, кусочек заботы, тепла, да и еды, и было именно то, ради чего она так вдохновенно готова была бесконечно ждать, пожирая глазами дверь подъезда. И вот, сбылись надежды, наконец, она снова открылась. Лизка приободрилась.

- Что-о-о! Милая, сидиш-ш-ш! – на пороге появился не твердо держащийся на ногах человек. От него разило водкой. Вожак поднялся, глухо гортанно рыкнул.

- Да не шуми-и, ты, Черныш-ш-ш! – мужик бросил псу и присел на корточки перед Лизкой, потрепал её по холке, - а ты чё тут, хо-ро-шая?! Из его рта шёл пар. Лизка лизнула его в нос тёплым мокрым языком, тот рассмеялся, поднялся и отправился куда-то в тёмную неизвестность. Собака недоумённо смотрела вслед пошатывающемуся человеку.

- Ах, этот Петрович, вечно он пьяный! – появилась, таки, наконец, девочка, покачала головой вслед качающемуся мужику, махнула рукой, повернулась к псу, - ну, собака! Иди сюда! На! Ешь!

Она положила на ступеньку несколько кусочков варёной колбасы и хлеба.

Лизка понюхала еду. Посмотрела девочке в глаза. В собачьем желудке урчало. Но как важнее для неё в этот миг было тепло ладошек девочки, которые гладили её морду.

- Как же тебя зовут? – девчонка задумалась, – а! А давай, я буду называть тебя Герда! Ага?

Собака лизнула в ответ девочку в лицо. Та сморщилась.

- Тьфу ты!

Затем утёрлась и рассмеялась.

- Герда. Я буду называть тебя Герда!

А Лизка, ставшая только что Гердой, стояла, не шевелясь, млея. Не обращая ни какого внимания на то, что выданная пайка давно растаяла на глазах.

- Что, Катюша, собак снова кормишь? – из, только что подъехавшей к самому подъезду, белой «Сиерры», вышел мужчина, улыбнулся, – ну, идём?

- Пап, я щас! Ты иди, я догоню, – девочка поднялась, обняла отца и снова присела гладить Герду.

- Ой, смотри, гладишь бродячих собак, руки потом не забудь вымыть, как следует! – он ушёл.

Малые псы усердно чавкали, жадно доглатывая последние куски целиком. Очевидно, что для них жратва стояла на первом месте, в сравнении с чем бы то ни было ещё!

- Ну, ты даёшь! Вот, пока ты думаешь, твои приятели всё слопали! Щас! Жди, принесу ещё! – девочка взмахнула руками и скрылась. Вскоре дверь подъезда глухо захлопнулась за её спиной...

С этой поры жизнь Герды обрела совершенно новый, совершенно иной смысл, наполнившись ожиданием встречи с этой милой девочкой, отдалённо напоминавшей её прежнюю хозяйку.

(Кто-то станет утверждать, что собаки ничего не чувствуют, а существуют, основываясь исключительно на инстинктах, такие «биологические роботы», без души. Но пусть это останется на их совести, ведь, как сказал Альберт Швейцер: «чтобы понять, есть ли у животных душа, надо самому иметь душу».*

*(*Альберт Швейцер — немецкий и французский теолог, философ, гуманист, музыкант и врач, лауреат Нобелевской премии мира (1952))*

А далеко не каждый человек, обладая «высшей нервной деятельностью» со своей знаменитой отличительной «второй сигнальной системой», в действительности имеет душу, ведь последняя, зачастую, иррациональна и способна к состраданию и самопожертвованию. Человек - бездушный же, исключительно рационально использует данные ему природой преимущества исключительно в угоду собственных эгоистичных целей, лежащих в основе первобытной эволюционной составляющей его материальной оболочки. Где же тут душа?! ... Что ж, «узкие врата в рай»...!)

Зима отступала под неумолимым натиском весны. Ещё по утрам хрустели под ногами прохожих, покрытые льдом лужи. Ещё чернели грязные скукоженные кучки снега на месте прежних сугробов. А с крыш, время от времени, срывались ледяные глыбы, гулко рассыпаясь на множество осколков по тротуарам, пугая прохожих. Но свежий весенний воздух уже наполнился птичьим многоголосьем и солнечный свет радовал мир дольше обычного, суля очередное возрождение замершей на зиму жизни, неся предвкушение скорого лета!

- Черны-ыш, хоро-оший, - дворовая детвора гладила лохматого чёрного с проседью дворового пса. Тот стоял смирно, прищулив покладисто глаза. Ему, повидавшему в жизни все виды лишений, унижений и жестокости, любая малость внимания и ласки была чертовски приятна. Он лизнул, в знак благодарности, детские руки. Два, уже известных нам, пса поменьше сустились рядом, жалобно выпрашивая, полными собачьей печали глазами, жратву.
- Всё, вы уже всё слопали! Нэма ничего! – курносый пацан с конопушками развёл руками.
- Ванька вам, жорики, ужо усё скормил! – усмехнулась девчонка в рябой вязаной шапке с бубоном, – кстати, а где же Гердочка?
- Да она, Маринка, беременная. Лежит себе там, в подвале, – вставился другой пацан.
- Гнездится! - со знанием дела добавил Ванька.
- Да, ну! От кого?
- От Черныша что ли?
- А я почём знаю! Я свечку не держал! – пацан шмыгнул носом, вытер его рукой.

- А во-о-он она! – Ванька ткнул пальцем перед собой, - Герда! Герда! Герда! Ходь сюдой! Ко мне!

Герда, услышав своё прозвище, засеменила в сторону детворы, виляя хвостом...

- А пошли на стадион, что ли, мне тут надоело,- предложила Маринка.

Она была одна девочка среди мальчишек. И, хотя те и считали её «своим пацаном», каждый из них всё же невольно стремился произвести на неё неизгладимое впечатление, в, пробивающейся сквозь детство, подростковой порослью, подсознательной борьбе за роль доминирующего «альфа самца».

- Да, погнали!

Детвора подорвалась и вскоре веселая ватага, в сопровождении собак, двинулась на поиск приключений...

Герда и Черныш следовали за детворой, то отставая, то обгоняя их, под влиянием своих собачьих интересов. Каждый угол, каждый куст таили в себе массу интереснейших, возбуждающих собачий нюх, следов и историй, оживающих в их воображении, стоило только поднести свой мокрый чувствительный пяточок носа, считывающий информацию, подобно магнитной головке видеопроигрывателя. Какой притягательный в своём волнительном многообразии мир вокруг, в котором бездомному псу не хватает лишь одного – хозяйского тепла и заботы! Герда живо бегала по двору, что свойственно молодой собаке, Черныш же с нотками ленности степенно изучал территорию, косясь из-под взъерошенных дред с прищуром на детей, словно недоумевая от их увлечений. Забавы детворы для собак действительно выглядели странно, а порой даже бессмысленно. Но что возьмёшь с этих маленьких людей, бредущих по миру вслепую, без должного чутья и обоняния, без понимания всей прелести удовольствия задрать лапу на стенку повыше других! Как было знать тем псам, что это всё лишь кажущиеся отличия, которые в людях просто –напросто проявляются несколько иначе...

- Что делать этому фанту? – воскликнул мальчишка.

Девочка почесала свою рябую шапку с бубоном, задумалась.

- Не зна-а-ю!

- Думай, Маринка! Ну!

- Баранки гну! Не знаю я. Ну, пускай совершит какой-то мужской поступок. Пусть удивит всех!

- Какой такой ещё поступок?

- А то, что папа с мамой не разрешают делать. А? Слабо?

- Давай, Ванька, - все повернулись в сторону курного мальчишки, - твой фант.

Тот, сперва, выпучил глаза от неожиданности. Потом, раскачиваясь из стороны в сторону, поднялся, передёрнул плечами, раздумывая.

– А хошь, я тудой вона, на крышу заберусь? – он показал на бетонный скелет строящегося здания напротив.

– Дурак, что ли? – хмыкнула девочка, – да и не сможешь ты залезть туда! Свалишься ещё!

– Эт я-то не смогу-то? – инстинкт «доминирующего пионера» разыграл в нём, он подорвался и уже через минуту лез через забор на территорию стройки.

– А погнажи тожа, давай, хто первый! – мальчишки резво последовали за товарищем, так же непроизвольно поддавшись влиянию всё того же инстинкта.

– Вот же дураки! – крикнула девочка, тем не менее, продолжая смотреть им вслед с явным любопытством, подобным тому, с которым некогда средневековые девы лицезрели рыцарские турниры. Правда, в те давние времена, по которым так любит сегодня вздыхать «прекрасная половина», окутывая средневековые образы пеленой романтики, закрывающей истину, всё же девы представляли собой, более безропотный приз победителю, нежели являлись первопричиной этих поединков.

Черныш лизнул девочку в нос, посмотрел в глаза, – «Ну что взять с этих пацанов?!» – было в его взгляде.

Герда рядом виляла хвостом, тревожно вглядываясь в сторону забора. Она пыталась понять, что же ей делать дальше. То ли следовать за мальчишками, то ли оставаться здесь, и от чего только там такого чудесного, отчего все так резко подхватились?

Совсем скоро раздались испуганные крики. Дети прыгали назад через забор.

– Ванька убился!

– Валим отсюда! Там сторож!

– Да он бухой!

– Валим, сказал, а то меня родоки убьют!
– Как же, Ванька же там упал.
– Да его уже сторож, небось, схватил. Он, каво надо, сам вызовет!
– Не тупи! Сторож уже, точно ментов вызвал! Хош шоб и нас затагали! Рты на замке! Ясно тебе! Ничего не слышал, ничего не знаю!
Пацаны, перепрыгнув через забор, рванули через стадион, куда глаза глядят.

– Бежим, Маринка.
– Что случилось?
– А-а-а, потом! Бежим щас!
– А где Ваня?
– Он упал...
– Да его уже сторож, наверное, заграбастал!
– Да убился он.
– Как убился?!
– Не гоните пурген!
– Да, погнали же!

Они подхватили девочку, и все помчались наутёк.

Собаки удивлённо смотрели вслед убегающей ватаге. В оседающей темноте вечера лишь мелькали детские пятки и рябой бубон, раскачивающийся из стороны в сторону. От чего они убегали? От сторожа? От угрозы мифической милиции со своей пресловутой «детской комнатой»? От возможного порицания в школе или родительской взбучки? От своей несозревшей совести? Или во имя того, чтобы избежать ответственности даже за малый проступок, они были готовы к совершению более тяжкого? Предпочли бросить друга в беде!

Псы, было последовавшие за убегающими, вдруг остановились, настороженно принюхиваясь и прислушиваясь. Что-то было там, за этим строительным забором. Они вернулись. Черныш просунул голову под сеточное ограждение, усиленно зажёб когтистыми лапами по холодной пыльной земле, отбрасывая назад брызги из щебня и прошлогодней жухлой травы. Упёрся лапами, вытянул вперёд шею и вскоре оказался по ту сторону забора. От его возбуждённого разгорячённого дыхания шёл пар. Герда не раздумывая последовала этому примеру.

Вокруг были какие-то горы из кирпичей, плит, арматуры, ещё бог весть чего. Собаки тревожно озирались, изучая странную местность.

- А-а! Соба-а-аки! – пошатывающийся сторож в камуфлированном бушлате отливал смачно за сторожевой будкой. Резкая смесь тёплых паров уреи, алкоголя и табачного перегара наполнила пространство. Псы опасливо ретировались. Мужик же нетвёрдой походкой ушёл в свою обитель и тут же вернулся на улицу с банкой нехитрой собственной провизии, состоявшей из рожек и редко встречающихся там кусков обжаренной варёной колбасы. (Сам факт присутствия мясного продукта в банке уже давал ему ощущение относительного благополучия и, когда такое случалось, а особенно в случае наличия там настоящего мяса, он обычно с гордостью, демонстративно, снимал с обогревателя разогретую банку «ссобойки», если доводилось это делать перед своими сотоварищами по «цеху». К концу зимы «добрые люди» стырили обогреватель и в будке стало холодно, так что, стало не только негде греть «ссобойки», но вода, в пэтовской бутылке на столе, в последние морозы превращалась в лёд, а сторожа спасались от стужи в спальных мешках, накрываясь верней одеждой с головой, опасаясь обморозить кончик носа, выглядывающий из под бушлата. Теперь уж нет морозов. Можно обойтись и без обогревателя. Но всё так же паскудно и серо вокруг! И вот она, единственная радость жизни, основной источник эндорфина «гормона счастья», она, что не замерзает сама, но греет душу грешную - сорокоградусная живительная влага..., теперь уже давно перекачана в кровь, а пустая бутылка одиноко скучает под столом....) Мужик присел на корточки, чуть не упав. Посмотрел мутным взглядом на банку.

- Дава-а-й, рэбя-ята, жрите мой хавчик! – он бросил две ложки давно остывшей еды в разные стороны прямо на грязную талую землю. С трудом поднялся.

- Оста-ётесь за ме-ня-я! Сто-ро-жите от ху-у-лигань-я-я! А я спа-а-ть! – он ввалился внутрь ободранной будки, хлопнула дверь и лишь яркий фонарь одиноко продолжал освещать грязную территорию стройки, Черныша и Герду, жадно жующих макароны, местами вперемежку с весенней оттаивавшей землёй...

Чернышу были хорошо знакомы эти строительные территории. На одной из таких он и сам служил верой и правдой своему новоявленному «хозяину», честно охраняя по ночам территорию. Но завершилось строительство,

исчезли строительные вагончики, уехали строители, вместе с ними исчез его «хозяин», исчезли все люди, к которым Черныш был привязан и на которых отработывал свой собачий «хлеб». Едва пес начал есть, как в памяти стали возникать воспоминания, наполняя кору его головного мозга смутными волнами томительного беспокойства и надежды, под воздействием вызванных условных рефлексов, подкреплённых безусловнорефлекторным «Павловским» выделением слюны и желудочного сока во время этого акта собачей трапезы.

Но тут же всё удовольствие этой трапезы нарушили звуковые волны, наполнившие новой тревогой собачьи сердца. Они встрепонулись, доглатывая последние крохи этого нечаянного скудного обеда, рванулись в направлении, истощающем состояние тревоги. Герда следовала за отважным Чернышом, отдавая ему все бразды вожака. Её бесстрашие усиливалось его лидирующим бесстрашием. И вдруг Черныш, прыгнул куда-то вниз, взвизгнув, исчез в «инфракрасной» темени. Сердце Герды сжалось на миг и тут же обдало её грудную клетку и голову бурным толчком наполнившейся адреналином крови, замолотившись от него в бешеном ритме.

Она стояла у края бетонной ямы. Внизу чувствовалось дыхание. Герда осторожно упираясь лапами, вытянула нос вперёд, рассматривая собачьими инфракрасно видящими глазами, в монотонных, с зеленцой, очертаниях пространство.

Раздался снизу лай Черныша, Герда ответила ему сверху. На бетонном дне лежал мальчишка. Тот самый Ванька. Черныш лизал его лицо, толкал лапой в грудь. Герда всё поняла. Ну, или почти всё. Или хотя бы ту самую простейшую малость, достаточную для того, чтобы спасти её друзей.

(Ту самую малость, не всегда очевидную даже для «человека-разумного» со своей высокоразвитой «второй сигнальной нервной системой», но такую очевидную для этой простой дворовой собаки, живущей лишь, как утверждает большинство, на рефлексах.)

Герда тянулась лапами в темноту ямы, скуля и лая от бессильного отчаяния. Черныш был спокоен или желал таким казаться. Он лёг рядом с бесчувственным мальчиком и безустально вылизывал его руки, лицо, курносый нос в копонушках.

- А-а-а, - раздался стон. Мальчишка зашевелился...

Герда всматривалась в яму. Услышав требовательный «у-у- у- вав» Черныша, означающий, «ну чего ты, дура тут суету разводишь, давай, дуй за

допомогой», та бросилась к будке, где ранее скрылся чудной шатающийся человек. Она сотрясала округу своим лаем, скребла лапами в дверь. Но без толку. Видно, счастливый водочный «эндорфин», вкуче со сном богатырским, взяли окончательно верх над сторожем... Каким уж тут сторожем! Выноси что и сколько хош! Тут уж не только обогреватель можно стянуть, а и самого сторожа! Да только кому это горе луковое нужно, кроме его собственной несчастной жены, моющей отчаянно подъезды, чтобы протянуть хоть как то, да прокормить свою подрастающую детвору. Горе ей от такого мужика, да что порой бабе надо, лишь бы хоть нечто в штанах было рядом, уж какое никакое... Такая вот она бабская доля! Так что наш сторож дрых без задних ног, всю заботу об охране объекта он успел - таки «делегировать» этим двум псам, даже как - никак рассчитавшись с ними долей от своей незамысловатой пайки...

Герда выбралась наружу и помчалась по, погруженной в вечер, улице, подымая лай, на который прохожие лишь пожимали печами, опасливо озираясь...

Раннее весеннее утро. Светало уже раньше обычного. Карета скорой помощи во дворе. Суета людей. Носилки.

- Кто родители? Давайте в машину! – женщина в красной куртке с чемоданчиком залезла в скорую, - спасибо собакам, если бы не они, ещё неизвестно чем бы всё это закончилось, приедь мы немного позже! Настоящие друзья! А если бы не этот лохматый пёс, пацанёнок ночью бы и замерзнуть мог! - Кстати, а где они, наши герои? – бросил коротко кто-то.

С появлением кучи людей, собаки сховались под навес балкона первого этажа.

Вскоре машина тронулась, оглашая двор воем сирены. Черныш выглядывал из-под дред своих седых. Он словно улыбался открытой пастью, язык беззаботно свисал, словно весь вид его говорил, мол, «ну вот и всё, миссия успешно выполнена», можно и отдохнуть. Герда растянулась плашмя рядом, положив морду на лапы. Суета быстро стихла. Машины, запаркованные на ночь во дворе, разъехались, люди разбежались. Всё как

всегда. Как каждый день-деньской. Двор опустел. Лишь вылезли откуда-то, уже известные нам ранее малы́е псы. Очевидно, что им было трудно выживать без вожака. Инстинкт сбивал их, бедолаг, в стаю. Видимо, так легче выжить. Они уже не хромали. Что ж, время на собаках лечит! Лечит раны, но вот лечит ли время их души и приносит ли прощение обидчиков? Кто ж знает! А время покажет, только время, само по себе, обычно показывает либо зад, либо фигу, а то и кулак или даже зубы..., в том числе и собачьи!

Прошёл день. Другой. Прошла неделя. Другая. Уже зазеленела мягкими коврами трава. А почки на деревьях набухли подобно соска́м будущей матери, готовящейся принять новую жизнь. Берёзы, переполненные весенним соком жизни, текли в узких надрезах, оставляя розовые следы на их белоснежной коре. О, сколько земных ожиданий и надежд несла в себе эта весенняя возрождающаяся природа! Всё вокруг щебетало и пело, разливалось в журчании и наполняло волнительной свежестью, ласкающей каждого солнечными лучами молодого лета – весны в разгаре. Это был настоящий пир гормонов и радости, наслаждений и надежд!

В этот день, собаки, как обычно, занимались своими собачьими делами, вынюхивая ароматы местного «парфюма» по ножкам скамеек, кустам и деревьям. (Всё как у людей, бесцельно шатающихся по ароматным соблазнительным закоулкам «дьютиков» и торговых центров...) О, мир, сколько в тебе чарующих запахов и увлечений! Вдруг Черныш поднялся. Напротив стоял большой рыжий пёс. Это был Пират. Они смотрели пристально друг на друга минуту-другую. Остальные собаки забеспокоились, но смотреть рыжему в глаза не решались, отворачиваясь в стороны. Лишь Герда поднялась и, опустив голову, напрягла лапы, словно для броска. Её хвост был опущен и нервно ходил из стороны в сторону, словно подметая. Рыжий был зрелым сильным смелым и наглым псом. Уже стареющий, повидавший виды, Черныш едва ли мог оставаться доминантным на фоне этого, более сильного, конкурента. Он отступил, отвернув голову. Когда-то и он был таким молодым и безжалостным к старости. Что тут поделаешь, молодость самым наглым образом отвоёвывает у пожилых шаг за шагом, метр за метром, неся смену поколений, смену генераций. Молодость

безжалостна. Молодость не видит себя в старости, а ведь она, старость, рано или поздно, приходит! Но разве это предмет заботы молодых, пробивающих для себя место под солнцем?!

(Так вот и действует пресловутый «третий закон материалистической диалектики: «отрицания отрицания», утверждающий, что весь процесс развития, имеет поступательно повторяемую циклично спиралевидную форму. А сам переход, со ступени на ступень, происходит после уничтожения или переосмысления старого!)

Малы́е псы быстро признали для себя нового вожака. Его харизма и острый хищный взгляд был, безусловно, для них притягателен. Это было для них залогом успеха, залогом выживания! Как и люди, выбирая себе более успешных лидеров, легко предают предыдущих, как бы они не уважали их ранее. А порой даже тем больше и подлее предают, чем выше был прежний авторитет и уважение! Ведь вырывание усов и зубов у, ставшего беззащитным, льва – предмет гордости и возвышения в собственных глазах для многих шакалов.

Герда зарычала. Она ценила дружбу. А может это был лишь инстинкт суки, носящей в своём чреве отпрысков Черныша? Но как бы то ни было, этот рыжий самозванец, навесивший себе ярлык нового «законного вожака» стаи, предательски перетянувший на себя верёвку продажного собачьего «электората», был ей омерзителен. Как были омерзительны и эти шавки, да Бог им судья! Если он есть, собачий-то Бог...

(А ведь должен же быть! Обязательно должен! А мож, Бог-то он один и не только для людей, а...? Мож, всё он видит и всех? И оценивает каждого по делам его земным и воздаёт после за земные страдания, и человеку разумному и не очень, и всякой прочей твари божьей. Ведь не для удовольствия ж ради, вся логика нашего земного существования? А что конкретно про людей, так не за тем ли человеку и дана душа, чтобы заботиться более о ней, вопреки физиологическим изначальным инстинктам, через заботу о тех, кто в этом нуждается, через сострадание к тварям «неразумным», живущим, как утверждает человек, «на инстинктах». А он так утверждает, что бы оправдывать своё бездушие при своём всесилии и всемогуществе, вместо того, что бы возложить на себя гораздо бо́льшую ответственность, он от неё уходит. Что бы уходить от обязанностей. Просто так проще. Что же, «узкие врата в рай»!)

Итак, новообразованная стая с рыжим вожаком своим чинно последовала в поисках новой пищи и приключений. Черныш не смотрел им вслед.

Очевидно, ему было всё равно. Герда улеглась перед крыльцом подъезда «своего» дома. Тут дверь скрипнула и на крыльце появилась семья, волоча переполненные чем-то сумки. Герда узнала их, чаще иных, прикармливавших её, людей. Она кинулась к девочке, лизнула её.

- Герда, Гердочка! – та, бросив сумки, погладила псину по голове.

Хвост Герды, казалось, оторвётся вместе со второй половиной туловища, буквально ходившего ходуном. Она прыгнула передними лапами на грудь главе семейства, оставив грязные следы, и лизнула его прямо в лицо.

Тот сморщился брезгливо и рассмеялся, отряхивая испачканную одежду, отираясь. Сплюнул.

- Герда! Не-е-ет! – воскликнула женщина, видя дальнейшие намерения собаки...

Все рассмеялись. Герда удивлённо замерла, не в силах справиться с нахлынувшим на неё потоком чувств.

- Ну, Герда, может, тогда поедешь с нами, а? – папа потрепал Герду, повернулся к дочке, - что скажешь, Катюха?

- Точно! А давайте её возьмём с собой в лес?! - обрадовалась та.

Герда едва ли могла понять значение произнесённых слов, но вот почувствовать намерения людей ей было по силам. Она со смиренной преданностью смотрела им в глаза.

- Ну что, давай, залезай тогда в машину!

- Пойдите, добрый день! – обратилась к ним, только что вышедшая из подъезда женщина, - вас можно на минуту, пока вы не уехали?

- Ну да, а что? – шесть глаз, не считая Герду, смотрели вопросительно на женщину.

- Мы тут собираем подписи жильцов, знаете, тут овчарка живёт на втором этаже..., - она протянула планшет с закреплённым на нём листом, - лает бесконца, уже всех в подъезде достала. Вы- то слышите?

Катин папа пробежал по листу взглядом по диагонали.

- Ну, да, слышим. А для кого это?

- Для Жеса! Подпишите?

- Ну-у, а что вы хотите этим листом добиться? Собака же от этих подписей не успокоится сама по себе.

- Мне всё равно, что будет, лишь бы этого лая здесь не было, - женщина несколько раздражалась, - хозяйку призовут к ответственности, может... Но что-то же надо делать!?

- Что-то надо..., что-то надо, - Катин, несколько поколебавшись, всё же папа чиркнул ручкой в листе...

Пикнул «центральный замок», двери белой «Сиерры» открылись, и семья приступила к погрузке.

-Герда, ну! – крикнула Катька.

Герда подбежала к машине, но, вдруг остановилась, обернулась на Черныша. Тот стоял, тяжело дыша, высунув язык. Он зевнул всей пастью и лёг на траву, отвернувшись. Как бы соглашаясь с её выбором. Дескать, «да ладно, валяй себе, развлекись, а я тут пока подремлю себе часок другой». Герда завиляла хвостом и запрыгнула внутрь машины. Её доверие этим людям было безграничным. Собаки умеют верить и дружить с полным доверием, с полной самоотдачей, без остатка и камня за пазухой. Ведь, как утверждают люди, у них «нет души», а значит, и нет корысти, лжи и обмана, по-крайней мере. Так что же такое, эта пресловутая «человеческая душа»? ... А чем же тогда наделены все прочие твари божьи? ...

Машина тронулась.

- Ну что, Гердочка, нравится в машине, да?

В знак согласия Герда глазела по сторонам. В машине она была в последний раз тогда, давно, накануне потери её несчастных хозяев, как она сама себе считала. Раньше она любила стоять лапами на руле и перебирать, когда он крутился на поворотах. Вот и теперь она снова внутри плывущей по дороге кабины, пахнущей синтетической обивкой, слегка оттеняемой вкусом бензина. Она смотрела по сторонам, дыша с волнением. Это было так удивительно! Весь мир вокруг убегал назад, раскрывая перед ней всё новые ракурсы. Уехал двор, двигались дома, оставаясь позади, мелькали встречные машины, люди, бредущие по тротуарам... Тут Герда зарычала.

- Что там Герда? Узнала сородича?

Да, Герда узнала сородича. Это был большущий лохматый пёс, гуляющий с хозяином. Кто кого выгуливал, было трудно сказать однозначно.

- Это Чау-чау, - сказала Катька.

- Такие милые! Как мишки, - улыбнулась с умилением мама.

- Говорят, что эти «мишек» разводят в Китае, что бы есть. Говорят, что они тупые.

- Ка- ка- кой кошмар! – почти в голос произнесли мама и дочка.

- Да я уверен, все эти рассказы про «особых тупых собак», это лишь для того, что бы успокаивать совесть европейски туристов. Собака она и есть собака. Любая. Да и жрут они любых собак.

- Сволочи, - сморщила лицо мама.

- Вот я бы им показала, гады такие, им что, есть нечего? - возмутилась девочка, - правда, Гердочка? Вот мы им покажем!

Герда ничего не поняла, но поддержала семью своим возмущением, гавкнув в заднее стекло вслед исчезающему из вида псу.

- Помните мою работу, когда, мы в школе проводили эксперимент? – задумчиво произнесла Катя, - ведь он чётко показал, что если люди агрессивны и жестоки к животным, то так же они относятся и к человеку. Кстати, что показал опрос, большинство из тех, кто жесток к животным, оказались более лояльны к молодёжным фашистским организациям и ещё, что любопытно показал тест, что они чаще оставляют в лесу грязь после себя, - Катя усмехнулась, - вот, как всё взаимосвязано!

- Наверное, от того, что таких просто мало что волнует, кроме себя.

Эгоисты! – мама повернула голову назад и тут же получила «буську» от Герды, сморщившись и рассмеявшись...

- А вот среди тех, кто регулярно посещает церковь, не оказалось ни скинхедов, ни живодёров.

- Да, интересная получилась работа! Очень поучительная. Жалко только, что её зарубили, - вздохнула мама.

- То, что её зарубили, это лишь показывает низкий нравственный уровень самих школьных педагогов, вот и всё! – подытожил отец и потряс в воздухе

указательным пальцем, словно хотел вдолбить эту мысль в чей-то твердолобый череп.

(А ведь роль школы и школьных педагогов в воспитании будущих граждан крайне высока, поскольку именно в подростковом возрасте формируются основополагающие моральные ценности и предпочтения. Поэтому, организовав правильное воспитание школьной молодёжи, можно избежать многих проблем в их последующей жизни. См.....)*

И вот он долгожданный лес! Божественный запах, ка'пающего жиром на раскалённые угли, куриного шашлыка, вперемежку с дымом, наполнил вскоре лесное пространство, звенящее буйством весны, предвкушением предстоящей трапезы. Катин папа бросил Герде палку. Она едва было кинулась, но остановилась, застыв, посмотрела вопросительно с долей недоверия, на него. Как она любила эту игру ещё в, теперь кажущемся далёком, детстве. А теперь она и сама скоро станет матерью. Очень скоро.... Да, с тех давних пор детства, она и любила эту игру, и боялась одновременно. А что если когда она прибежит назад, счастливая картинка мира снова растворится и она окажется одна, а эти добрые люди куда-то вновь исчезнут? Ведь это как-то уже случилось в прошлом, сформировав задатки отрицательного условного инстинкта! ... Но в сторону дурные мысли! А главное, сейчас рядом – люди, которые, кажется, на самом деле любили её, гладили, даже делились вкусными куриными косточками! И эти положительные инстинкты вскоре взяли верх. Вся природа вокруг распускалась, земля была усеяна голубыми подснежниками. Итак, Герда, отбросив дурное, принялась бегать за брошенной палкой с азартом, время от времени останавливаясь, чтобы похрустеть новым, только что брошенным угощением.

- Трубчатые кости лучше не давай! - сказала мама дочке.
- Почему-у? – вытянула та жирные от шашлыка губы, повертела куриную ножку с удивлением.
- Эти кости могут поранить ей желудок.

Герда поняла, что, видимо, на правах старших, мама девочки сама хочет съесть эти деликатесные косточки, которые папа, видимо для неё, так настырно насобирал в пакет, висящий на ветке. Что поделаешь! Мать семейства! ... Черныш то же в последнее время уступал беременной Герде лишний кусочек.... Так что теперь, в человеческой стае, пришлось ей довольствоваться слегка пригоревшими крылышками, а так же, кусочками сухого белого мяса, которые Герда заглатывала целиком, почти не разжёвывая...

В это время в одном из дворов спального микрорайона остановилась «Газель». И неё вышли двое мужчин. В руках они держали мелкокалиберные винтовки.

- Вон, вали его! – показал один в сторону поднявшегося при их появлении Черныша.

Хлопнул выстрел. Раздался душераздирающий собачий вопль.

- Добивай!

Снова выстрел прошил дворовое пространство. Вой стих вмиг. Оборвался, отзываясь лишь эхом от стен многоэтажек.

Заплакал в отчаянии какой-то ребёнок. Один на весь пустой двор.

Черныш лежал, смотря на любимый двор застекленным взглядом из-под своих всколоченных, словно с проседью «дред». Вот и всё. Отмучился, бедолага. Не увидеть ему более белый свет, не встретить приближающееся летнее тепло, которое уже было так близко! Позади лишь суровая зимняя стужа и годы лишений и боли. Отмучился! Собачьи небеса разверзлись пред ним. И лишь кровь продолжала вытекать на сочную весеннюю травку из бездыханного тела.

Мужчины схватили за лапы добычу и равнодушно поволокли по земле.

Казалось, эти мужики имели железные сердца, либо были вовсе без них. А может, они просто исполняли свой долг? ...

- Вон он, ещё один! Там, ближе к стадиону! – бросив «добычу» закричал один из стрелков.

- Где?

- Да вон, смотри, рыжий, здоровенный такой! Да там ещё целая стая!

Глаза стрелков заблестели нездоровым огоньком азарта, свойственного убийцам.

(А как ещё можно назвать людей, получающих удовольствие от пролития крови! Хотя тут всё, не просто на «законных основаниях»..., но и во имя человеческого блага, во спасение жителей района от нападений бешенных одичавших тварей, ни дать, ни взять!)

Они кинулись за псами. Снова хлопки выстрелов наполнили азартом жилы «охотников» и собачьим визгом пространство вокруг.

- Эх, жалко, этот рыжий ушел- таки, сука!

- Ничего, ему никуда не деться! Ещё доберёмся в другой раз!

«Охотники», не обращая внимания на редкие причитания прохожих, хватаящихся за сердца, невозмутимо собирали «добычу», ужасающую сердобольных зевак своими застывшими дикими, от отчаянной боли, осками ...

А лес жил весной и пиром страстей! Пришли уже усталость и сытость. Остатки шашлыка лежали в пластмассовой миске. Едва тлели угли в мангале. Сытый папа лениво раскачивался в гамаке. Мама дремала калачиком на брошенном рядом матрасе, накрывшись красной байковой кофтой. Девочка с косичками сидела у костра, ковыряясь в нём палкой. Рядом стояла довольная сытая Герда, накрытая покрывалом, как попоной, не шевелясь, как вкопанная, лишь шевеля по сторонам глазными яблоками.

«Я послушная собака, готовая вам преданно служить», - говорил за неё весь её понурый, «по – лошадиному», вид. Как ей хотелось остановить этот миг! Счастливый миг! Ей казалось, что пусть был бы он вечно! Какое приятное чувство сытости, тепла и заботы. Чувство хозяина рядом, его тёплых рук, теребящих её за холку, по толстому брюшку....

И вот позади лес. Белая «Сиерра» снова припарковалась во дворе среди множества других машин, стягивающихся сюда под вечер на очередной ночлег.

- Давай, заберём Герду домой! – предложила девочка.

- Ну как же. Мы редко бываем дома. Кто будет её выгуливать? ... мама пожала плечами.

- Да, Катюха, я люблю животных, но вот считаю, что для большой собаки нужен большой частный дом.
- Ну как же мы её тут одну оставим? – надула щёки девочка.
- А давай мы ей сегодня в тамбуре постелем?
- А что скажут соседи?
- Соседи...? Ну, посмотрим тогда...

Наступило новое утро. Снова всё повторилось по привычному кругу «спиралевидной» диалектики жизни.

Герда обнюхивала дворовую территорию в поисках друга.

- А-а-а, Гердочка! – вышел, обычно шатающийся, Петрович, ну, тот, что жил на первом этаже, на этот раз он был трезв, ну, почти.... Он присел на корточки перед собакой, погладил её по морде.

Герда лизнула его в щёку. «Станный, но добрый», – наверное, примерно так думала она.

- Ищешь своего приятеля Черныша? Да?

Услышав знакомое имя, Герда завиляла хвостом, поднятым кверху.

- Иш ты, хвостиком как завиляла! Ух, кхух-кхух,- усмехнулся тот, закашлявшись прокуренным мокротным кашлем, - тьфу, - он смачно сплюнул под ноги, растёр подошвой, - да нет его больше, Черныша твоёго! Пристрелили его как бешеного пса безродного! И других бобиков ваших постреляли. А рыжий один тут ещё бегал, здоровенный такой. Так его, вроде, подранили, но он ушёл. Злющий теперь, зараза. Проворный оказался, засранец! Во как!

Петрович гладил грубой заскорузлой ладонью толстое надутое брюхо, подставленное собакой.

- А тебе повезло-о! И деткам твоим в брюхе то-о-жа! Вона-а какое пузо ужо! А на титьках-то ужо молозиво! Скоро разроди-и-шься небось!

Герда ничего не могла разобрать в этой странной речи, смердячей табачным перегаром, на этот раз без водочного, ну, почти....

Мужчина поднялся и отправился бог его весть куда. Герда смотрела ему вслед, недоумевая, что же он хотел ей поведать относительно единственного понятного ей слова «Черныш»? ...

Тут скрипнула дверь, и на пороге появился Катькин папа. Герда, по обыкновению, радостно бросилась ему навстречу.
- Не-е-ет! Герда, нет!- зажмурился тот.
В этот раз он был в солидном деловом костюме, белой рубашке.... Герда, не обращая никакого внимания на съёжившегося мужчину, подскочила, радостно виляя всем задом, встала на задние лапы, взгромоздив передние прямо ему на грудь, и лизнула со всей своей собачей слюнявой любовью в его зажмуренное лицо, к счастью, достав языком лишь до подбородка.
- Ну, что ты, милая! Ну, вот! Вымазала меня и облобызала! – он погладил её по тёплой бархатистой морде, - давай, гуляй! Пока! До вечера!
Мужчина направился к белой «Сиерре», перебирая в руках ключи, усмехаясь и досадливо отряхивая испачканный пиджак...
С любовью и преданностью смотрела Герда ему вслед, вслед выезжающей со двора белой элегантной машине.

Тяжелый слепящий дневной свет наполнил двор. Как он отличался от звонкого утреннего! Герда лежала возле детской песочницы, грустно полузакрыв глаза, как ей не хватало, так странно исчезнувшего, её лохматого друга. Время от времени чувство необъяснимой тревоги-предчувствия наполняли её грудь, заставляя биться сердце. Тогда она поднимала голову, тяжело дыша, перекачивала через лёгкие воздух открытой пастью, и нервно зевая.
- Гердочка! На, поешь, - снова появился Петрович. Теперь его уже слегка штормило. Он бросил ей кусок сала. Герда понюхала и отвернулась.
- Шо? Не хошь сала? Ну, ты-ы подру-уга и заж-ра-лась! – он с трудом ворочал языком. Герда легла на бок, катая скорбными глазами. Её мучала жажда и совсем не хотелось есть. В глаза было мутновато. Она вяло поднялась.
- У тебя шо, температура? – мужик погладил псину, - ничего, поправишься! Вы собаки – ребята выносливые!

Тут из подъезда вылетела молодая овчарка, таща за собой едва справляющуюся с ней хозяйку. Кобель был, как обычно, без намордника. Он явно был не воспитан и поэтому опасен. Он представлял собой реальную угрозу окружающим. Благо, на его бешеном пути пока никто случайно не оказался, а оказавшись, сумел спастись. Пес бросался и лаял на всех и вся.

Вот и сейчас он рыкнул на протрезвевшего Петровича, прижавшегося испуганно к стене дома, едва не цапнув его за ногу.

- Тише ты, тише! – безответственная хозяйка боролась с псом за контроль над поводком.

Кобель подбежал к Герде, та испуганно съежилась, втянула запахи его бешенных феромонов и отпрянула.

- Фу тебе, ко мне, сюда! – хозяйка беспорядочно бросала сбивчивые команды, на которые пёс совершенно не реагировал, подчиняясь отчасти лишь натянутой воле поводка, не редко пересиливая хозяйку.

А что же станется, когда пёс наберёт полную силу! Где уж будет хозяйке справиться-то с ним, таким здоровым то и дурным!

Петрович оправился от испуга, сделал шаг, его левая нога лихо завернулась за правую, он попытался схватиться руками за воздух, и, едва не упав, всё же двинулся, балансируя, в сторону подъезда.

Герде же хотелось лишь забиться куда-то, и она потрусила к входу в подвальное помещение по ступенькам вниз, где облюбовала себе обитель в последнее время.

Её знобило. Язык пересох. Вскоре она почувствовала, как внизу живота что-то словно опустилось вниз, и какая-то жидкость вылилась под её хвостом. Она с удивлением сунула туда нос и стала усердно слизывать эту странную жидкость. И вот, вскоре, что-то мокрое вылезло из неё. Герда удивлённо понюхала это явление, и принялась, следуя материнскому инстинкту, заложенному Создателем, вылизывать мокрую чёрную шёрстку этого, пока ещё неподвижного, существа своим шершавым языком. Наткнувшись на тонкую плёнку над его маленькой головой, та разорвала её зубами, освободив его мордочку, затем машинально перегрызла тонкий жгут пуповины, и продолжила усердное вылизывание шкурки, стимулируя начало новой маленькой жизни. И вот – первый писк, а значит, первый вздох, и значит, что щенок будет жить! Он зашевелился и, найдя материнскую сиську, присосался, перекачивая богатое антителами и витаминами материнское молозиво. Тут появился ещё один и ещё... Прошло немало времени и пятеро тёплых пищущих лохматиков присосались к уже давно подготовленным соскам матери, которая продолжала безустально гладить своим заботливым языком своих новорожденных малышей, следуя материнскому инстинкту. Герда сожрала последний послед совершенно машинально. Казалось, что уже

всё, но, спустя час или даже более, начались новые сватки, долгие и мучительные. В вот, появился ещё один, на этот раз, последний. Только молодость Герды и сила её мышц позволили - таки вытолкнуть на свет этого малыша. Он был слабее остальных и лежал без движения. Герда продолжала действовать совершенно инстинктивно, следуя лишь зову природы, слышать глас которой чего уже давно лишён человек. Она содрала с него плёнку, перегрызла тонкий жгут пуповины, отрезав связь со своим организмом. Лишённый кислородной подпитки матери, он должен был сделать свой первый пищащий вздох, но он оставался без каких либо признаков жизни. Она принялась его усердно вылизывать, расталкивать мордой, реанимируя всё ещё безжизненный комочек. Но тщетно. Казалось, жизнь так и не придёт в это маленькое тельце. Он отличался от своих более темненьких собратьев не только слабостью, но и светлым, или палевым, в мать, окрасом.

- Наша Ге-е-рда родила-а, - раздался радостный крик, и Герда увидела, как Катька бежит к ней вниз по ступенькам. Она поднялась, её хвостик заходил от радости ходуном. Этой девочке она полностью доверяла. И себя и своих «молокососов».

Разношёрстные малыши, потеряв тепло мамкиного брошка, принялись беспокойно пищать, хаотично толкая, неуклюжими лапками друг друга. Все, кроме одного. Катька взяла его, неподвижного, в ладошки.

- Хм! Все тёмненькие, а этот бежевый... и тихий.... Он чё, совсем не дышит? – испуганно воскликнула она.

Она потёрла его, зажала в ладонях и встрянула, словно градусник, так она видела, делала её бабушка в деревне. Малыш зашевелился, издав писк.

- Ой, он уже сосёт мне палец! - вскоре радостно воскликнула девочка.

Она вытерла, покрывшийся каплями пота лоб, звонко рассмеялась, и озабоченно спросила малыша, - да ты, конечно, очень голодный. Да?

Герда благодарно лизнула руки девочки, и принялась вылизывать малыша, лежащего на её ладошках.

- Ты единственная полностью бежевая здесь! Давай, я назову тебя-я..., - она на миг задумалась, - я назову тебя-я ... Бежка, ладно?

Герда слушала эти чудные слова. Если бы она могла называть их по-человечески именами, она бы давно уже присвоила каждому своё имя, в соответствии с их запахами и повадками... Но Бежка, так Бежка!

Девочка подняла другого щенка, который почти не пищал, лишь тихо перебирая лапками.

- А ты будешь Тихоня! А ты – Пискунья! – она взяла самого шумного и требовательного.

- Ладно, ждите, скоро приду! – девочка вернула матери малышей и выбежала наружу, - щас, ждите! Устроим вам домик!

Довольная Герда лежала с чавкающими малышами в подбрюшье.

Видел бы их сейчас Черныш! Но его обгоревшие останки валяются где-то на городской мусорной свалке среди таки же изуродованных пламенем трупов прочих бедолаг и прочего смердящего хлама над которым кружатся стаи ворон и чаек, пугаемые невозмутимо равняющими мусорный полигон неустанными бульдозерами... А ведь сейчас там бы могла быть и Герда и не увидели бы свет божий эти милые создания, карабкающиеся сейчас у её брюшка в извечном стремлении всего живого к жизни, соединительная нить с которой сейчас у них проходила через мамкину титьку.

Эх, видел бы их сейчас Черныш! Хотя собаки, как и люди, все разные, и далеко не каждый кобель принимает своих отпрысков. Но есть и такие уникальные экземпляры, которые берут на себя реальную опеку и отцовскую заботу. Каким отцом был бы наш Черныш, нам уже не дано узнать.

Ведь человек, он всё решил за всех, даже за самого Создателя, кому следует жить, а кому нет.

(Только напрасно такой молит у Всевышнего милости и прощения! Ибо только самому проявляя прощение и милосердие по отношению к тем, кто находится ниже или зависим от нас, можно немного допускать надежду на собственное прощение и милосердие к себе!)

«...Тогда скажет Царь тем, которые по правую сторону Его: «придите, благословенные Отца моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: Ибо ... жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; Был наг, и вы одели Меня ...». Тогда праведники скажут Ему в ответ: «Господи! когда мы видели Тебя жаждущим, и напоили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? или нагим, и одели? ...»

И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». Тогда скажет и тем, которые по левую сторону: «идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу ...: Ибо ... жаждал, и вы не напоили Меня; Был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня.... истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали

Мне». И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную».*

*(*Евангелие от Матфея 25:31-46. О Страшном Суде.)*

Милосердие – это качество характера Бога и проявляется в человеке, лишь, если Божий Дух живёт в нём. Кто всё ещё сомневается в том, что узки врата в рай? Знаю, к сожалению, всё ещё слишком много, от того то и узки те самые врата! Ведь не за страх, а за убеждение в необходимости сотворения добра и милосердия, человеку могут они приоткрыться!)

Это был новый день. Для кого-то всего лишь ещё один, для кого-то, возможно, последний, а для наших новородившихся малышей - это был первый день, первый восход солнечного диска, ласкающего их своими теплыми лучами, пробивающимися в дыру наспех сооружённой для них картонной будки. На дне - старое одеяло, приятно греющее Гердино брюшко, у которого копошились щенки. А съеденное недавно угощение приятно наполняло живот состоянием сытости, от которого слипались глаза и жажда сушила пасть. Она полакала воду из появившейся здесь, благодаря Катьке, миски.

На ступеньках снова появилась девочка, теперь - со своим папой.

- Ну вот, видишь, ей тут вполне уютно! – произнёс мужчина, явно удовлетворённый сооружением, - ну, Герда, подставляй свою шею! Мы тебе ещё ошейник оденем! Так, на всякий пожарный...

Тут появился, пошатываясь, сосед с первого этажа.

- А-а-а! Ге-е-р дочка-а-а! Во-о-т очини-и-лася! – начал он нараспев.

Катин папа поднял голову при виде Петровича, да так зыркнул испепеляющим взглядом на незваного соседа, что тот, словно обжегшись, быстро ретировался.

- Пой-ду до дому! – он подтянул штаны и пошагал к подъезду. В этот раз он был почти трезв. По крайней мере, так ему самому казалось. Катин папа его не переносил на дух. Даже никогда не здоровался, проходя мимо, словно и не было здесь человека. Так, пустое место, даже хуже того - нечто мерзкое, от чего хочется лишь отвернуться. Да кому понравится иметь такого соседа, который, вроде, и казался тихим, да только пока не нажрётся горилки до беспамятства. И вот тогда на весь стояк подъезда раздавалась его скандальная несвязная брань с женой, да вопли последней вперемежку с

плачем его детей. Так, что как-то даже пришлось вызывать участкового для умирения буйного соседа, дабы не перебил он своих же домочадцев в пьяном угаре! Настоящая это беда для всех!

- Беларусь ты моя «синеокая», тьфу ты! – Катин папа зло сплюнул, - а ещё говорят, что эт только Россия спивается! А тута от этих шатающихся уже с самого утра нету прохода! И живут же, гадость, так сказать, в Европейской столице, эт тебе не в тайге беспросветной сидеть, где сотни вёрст ни черта нет! Чё им здесь не хватает-то для полного счастья, что бы без повода-то хоть не надираться до животного состояния каждый день!

Герда преданно смотрела мужчине в глаза, ничего не понимая из сказанного. Хотя кто знает это наверняка! Ведь порой нам кажется, что собаки не только понимают всё, что мы говорим, но даже и то, о чём мы не договариваем!

- Ну, что ты так смотришь преданно? Да не бросим тебя, не бросим! Что вот только делать с твоими щенками? А-а?

- Пап, а давай я их в школе раздам! – предложила Катька.

- А что, не плохо! А давай! – одобрил отец.

- А можно, мы одного себе возьмём? – подняла девочка брови.

- Эх, доча, ты хоть понимаешь, насколько это серьёзно?! И потом, я, конечно, люблю собак, но дома..., - он тяжело вздохнул, - нам просто нужно найти им дом. Ведь есть люди, которым нужны собаки, даже платить готовы. А тут те бесплатно! Ну, даром, что беспородные. А что толку в породе то? ... Ну что ты так смотришь? Да я бы сам всех приютил, если бы мог, но..., - он замолчал, глядя с грустью Гердино брюшко.

(Так вот и выходит. Не каждый готов делить своё жилище с животным, даже имея к нему сострадание и желая помочь. А, и приютив одного, разве это решит проблему все прочих бездомных тварей божьих целиком и полностью?)

Длинные школьные коридоры. Пустынны, пока идут уроки. Но стоит раздаться резкому долгожданному звонку перемены и вскоре, вслед из-за распахивающихся дверей, вывалятся сюда десятки школьников, наполнив броуновским движением это, некогда пустынное, пространство.

Гулкие шаги завуча школы наполнили школьную обитель. Она подошла к стенду со школьными объявлениями и, едва прочитав текст: «Щенки. Без дома. Милые и ласковые. Отдадим в хорошие руки...», она сорвала этот клочок бумаги, смяла и направилась в кабинет к директору.

- Вот видите, Марья Петровна! А что я вам говорил! Мне уже родители звонят, дескать, что тут у вас происходит, мол, дети расстраиваются, щенков просят. Вместо учёбы, бегают, ищут им хозяев! А тут совсем уже обнаглели! На доске объявления лепят, какие хотят! Волонтёры, чёрт побери их! Ну, куда это годится! Знаете, кто это?

- Не знаю, Виктор Витольдович, но догадываюсь.

- Марья Петровна! Примите меры! Прекращайте мне тут эту богадельню с волонтёрами! Мне не нужны тут разборки с родителями.

- Хорошо, Виктор Витольдович, я поняла. Я это уже и делаю, вот, - она бросила в синюю пластиковую урну для бумаг, стоящую в углу, скомканный клочок.

- Да, и проведите воспитательную работу со школьниками, пусть лучше учёбой занимаются, а не собаками!

Марья Петровна лишь утвердительно лопнула веками со всей мерой невозмутимости и вышла.

(Так вот, в одно волевое решение, школа сняла с себя всяческую ответственность за это дело. В угоду реальным или вымышленным жалобам родителей, более пекущихся о собственном спокойствии и материальном благополучии, нежели о том, кем вырастут их дети, «освобождённые» от беспокойств за других. «Освобождённые» от понимания того, что мир вокруг это не только праздник жизни. «Освобождённые» от милосердия. «Освобождённые» от сострадания и стремления помочь хоть одной маленькой пушистой писклявой жизни!)

Урок литературы. Марья Петровна за учительским столом, строгим взглядом буравит класс. Школьники скучаяще разглядывают портреты по периметру, зевая, перебрасываются исподтишка записками, радуясь лишь

тому, что «вражеская пуля» учительского вызова к доске просвистела в этот раз мимо. А вот она «жертва» – Катька, стоит перед классом, отдувается, читая стих Есенина.

- ... Утром в ржаном закуте, где златятся рогожи в ряд, семерых оценила сука, рыжих семерых щенят. До вечера она их ласкала, причесывая языком, и струился снежок подталый под теплым ее животом. А вечером, когда куры обсиживают шесток, вышел хозяин хмурый, семерых всех поклат в мешок. По сугробам она бежала, попевая за ним бежать... и так долго, долго дрожала воды незамерзшей гладь, а когда чуть плелась обратно, слизывая пот с боков, показался ей месяц над хатой одним из ее щенков. В синюю высь звонко глядела она, скуля, а месяц скользил тонкий и скрылся за холм в полях. И глухо, как от подачи, когда бросят ей камень в след, покатались глаза собачьи золотыми звездами в снег..., – Катя замолчала.

– Ну, знаешь, после твоей, Катя, выходки с объявлением, мне даже не странно, что ты выбрала именно это стихотворение Есенина. Вообще-то, давай откровенно, как бы это ни звучало, мы взрослые люди. Ведь чувств, подобных человеческим, у животных, нет! Есенин просто придал антропоморфность* (**Антропоморфизм — наделение человеческими качествами животных, предметов, явлений, мифологических созданий*) образу собаки в угоду провозглашения общечеловеческих ценностей, – произнесла Марья Петровна со всей мерой скептицизма в интонации, насколько только была способна.

- Ну, для большинства людей только жратва – это самая главная «общечеловеческая» ценность! – весьма вызывающе парировала Катька.

- Во-первых, Катя, своими словами ты оскорбляешь всех нас, это самое «большинство». Потом, что же касается собак и животных, вообще то они не страдают, так, как человек, - заявила авторитарно учительница, - а, в-третьих, говорить «жрать» – это явная бескультурщина, недопустимая на нашем уроке!

В ту же минуту, уловив учительские нотки, всё классное «большинство» обрушилось на одноклассницу:

– Да, всё это про собак ерунда!

– Все верно, у животных нет души!

– Нет души? Но кто-то из великих сказал: «Чтобы понять, что у животных есть душа, надо самому иметь душу», – отбила удар Катя.

– Ага! А у нас собак отлавливают на улицах и убивают! – решил поддержать Катьку, симпатизирующий ей, конопатый мальчишка, – неужели не жалко?!

– Ага, жалко! Жалко у пчёлки! Собак то мы все любим, но ты то, Ванька, сам когда-нибудь встречался со сворой бродячих собак? А мне довелось. И мне просто повезло, а некоторым у нас в поселке повезло меньше... гораздо меньше. А теперь скажите с Катькой, готовы ли вы к такой встрече с компанией оголодавших псов, которые обязательно постараются вцепиться вам в лицо? – тонкие сухие губы одноклассника проговаривали уверенно каждое слово так, словно это были фигуры на шахматной доске, движимые гроссмейстером.

- Бродячие стаи оголодавших собак появляются из-за безответственности человека! А в том, что они злые, часто виноваты сами люди. Вот в Индии, там тоже много бездомных собак, только на людей они не бросаются, – снова поддержал Катю Иван и, довольный своим аргументом, потёр свой курносый нос.

- В Индии люди лучше понимают природу и собак. И у них не в ходу басенки про пушистые комочки, которых рвутся погладить все дети и их умиляющиеся родоки в округе. И то, что потом и детей и их родителей грызут дворовые собаки – заслуга таких вот басенок, – безапелляционно, даже несколько агрессивно, со всей степенью максимализма, свойственного подросткам, заявил мальчик, шевеля своими тонкими сухими полосками губ, свойственными часто людям жёстким и рациональным.

- Прежде всего, в Индии люди проповедуют индуизм, который учит гуманному отношению ко всему живому.

- Это смешно! И какая же это из заповедей индуизма помогает справиться с бродячей стаей? Не удивляйся потом, если тебе самому придётся зашивать лицо!

– А вот зашивать лицо, скорее придётся от нападения домашних собак, бойцовских пород. Потому что человек сам воспитывает в них агрессивность. И использует для устрашения окружающих. И я уверена, что таких примеров нападений на порядок больше! – снова контратаковала Катя.

– Примеров всяких, конечно, хватает. Короче говоря, это уже давным-давно доказано, что все животные живут только на инстинктах. Это всего лишь звери, для которых в действительности, как ты, Катя говоришь, «жратва» стоит на первом месте. И они не осознают свои поступки, они даже

своих щенков забывают, - добавила учительница, подобно «поддержки артиллерии», поверх голов «школьной пехоты», берущей приступом и без того хлипкие оборонительные рубежи Катькиного «форта», поддерживаемого лишь одиночной Ванькиной «кавалерией», выскочившей с одного единственного фланга.

Но Катя героически не сдавалась. Её глаза покраснели от подкатывающихся слёз досады из-за отсутствия значительной поддержки в классе и отчаяния от того, что все их аргументы ложились мимо цели, не достигая сознания противника. Но, собрав в кулак всю волю, она ввела в контратаку последние резервы «второго эшелона»...

- Если собаки, как вы говорите, чего-то там и не осознают, то мы-то люди, и мы-то осознаём! А если и мы ничего не хотим осознать, то, что же пенять тогда на животных!? Чем мы их, несознательных, тогда лучше то? Человека природа именно для этого и наделила разумом.

- Природа наделила человека разумом вследствие эволюции, что бы он смог выжить среди животного мира, - продолжила невозмутимо учительница, очевидно, совершенно не настроенная услышать и принять что-либо, отличное от её убеждений этого момента.

- Но животные чувствуют все, так же как и все мы, только не могут ни говорить, ни позаботиться о своей безопасности. Человек должен помогать им всем, чем может. Ведь, возможно, что иначе, в следующей жизни, каждый из нас может оказаться в его шкурке. Относиться к животным нужно, как к братьям младшим своим. Эволюция современного технического прогресса очевидна всем. А как на счет эволюции человеческого сознания?.. Неужели мы все еще на уровне дикарей, которым ради выживания в ледниковый период приходилось убивать животных? Нет, вы знаете, мне кажется, что в каком-то смысле мы даже деградировали с того времени ... Мы убиваем без реальной нужды!

- Какая ерунда! Всё это демагогия, - училка поставила точку в диспуте, поморщившись, - я сказала, всё! Садись! Хватит тут мне на уроке балаган разводить!

Катькин «форт» дымился в руинах, всё же оставшись непокорённым. А все дальнейшие дискуссии переключались в кулуары школьных коридоров...

Прошло два месяца. Четыре толстомордых щенка уже свободно разгуливали, иногда даже выбираясь немного за пределы своей обители. Они весело носились гурьбой, игрались, слегка прикусывая друг друга, маленькие дети и всё тут!

- Мальчишек раздали, одни девчонки тока и остались, эх, - вздохнула Катя, тиская эти маленькие чуда, - никому не нужны-ы.

— А чё так? - удивился соседский мальчишка.

- Не зна- а- ю я, может связываться потом с их щенками никто не хочет.

Вот тута остались только Бежка, Тихоня, Пискунья и, ну, как тебя назвать, давай, назову тебя, Кнопкой за твой носик....

- Ладно, харэ, бери свой скэйт и побёгли на стадион, там наши уже собрались! — предложил мальчишка и дети, не долго поколебавшись, ушли.

Герда же осталась дальше неустанно наблюдать за своими щенками, ей не нравилось слишком распоясанное поведение одного из них, которого девочка прозвала Пискуньей, она ткнула её носом, пару раз фыркнула, но, так и не добившись успеха, наконец, прикусила её слегка за морду. Та пискнула, как и подобает «пискунье», обиделась и затихла, лишь изредка покряхтывая. Герда смотрела на неё, как свойственно строгой мамаше, отвечающей за воспитание своих чад.

(Собакам не знакомы человеческие новомодные теории воспитания, где детям, порой, дозволяется всё, что угодно. Когда родители сами растят сызмальства себе «пупов Земли», чтобы спустя годы удивляться, в кого это их чадушко такое разбалованное и эгоистичное, и совершенно неадекватно воспринимающее окружающий мир, формируя в своём сознании совершенно завышенные ожидания в области дальнейшей самореализации...)

Герда поднялась наверх, улеглась, наблюдая по сторонам. Вскоре во дворе появился злой хмурый мужчина. Ну, по-крайней мере, так Герде показалось. Едва она почувствовала его приближение, какое-то странное беспокойное чувство накатило на неё. Герда насторожилась. Как и любому иному животному, ей были не знакомы законы и порядки человеческой стаи, лишь зову природы и собственного сердца она следовала в своих поступках. Она чувствовала только, как какой-то гнилой коричневый запах злобы и смерти кружился над этим человеком. Плотного телосложения, он двигался уверенно, как хищник, его глаза были наполнены холодной безжалостной жестокостью. Казалось, нет в мире ничего, что могло бы поколебать жёсткое

сердце этого человека. Герда зарычала, наклонив голову и жёстко впереv в него свой взгляд. Она не отступит. Она будет драться до последнего, защищая её дом и её детёнышей, всё, что ей дорого, всё, что у неё есть.

- А ну, пшла, тварь! – мужик топнул ногой оземь.

Но Герда лишь злее оскалила пасть, зарычав угрожающе гортанно, и стала наступать, вытесняя незваного пришельца со двора.

- Ну, тварь, я тебе покажу-у! – мужчина всё же сдал назад, попятившись, споткнулся о скамейку и опрокинулся на спину, матерясь, на чём свет стоит.

Герда – победительница, защитница своего дома, не стала преследовать побеждённого, но, преисполненная чувством гордости, вернулась в свою полуподвальную обитель и легла на бок.

Жарило вовсю летнее солнце и здесь, в тени, было комфортно. Она часто дышала открытой пастью, охлаждая высунутый горячий язык, всё ещё пребывая в перевозбуждении. Малыши были рады матери. Как эти создания нуждаются в ней сейчас! Но спустя уже немного времени, утратив жизненную потребность в этой привязанности, они забудут её.

(Так ведь и у людей, вылетевшие из «родительского гнезда» дети, нередко забывают своих родителей! Но на то мы и люди, обладающие «высшей нервной деятельностью», которой так кичимся, пытаясь оспаривать у животного мира свою и без того неоспоримую доминанту, должны действовать, движимые мотивами более разума, но на деле, зачастую, инстинкты наши берут над многими верх!)

Но здесь, сейчас, в этом предподвальном убежище, были только Герда, переполненная материнским инстинктом и молоком и её пушистые малыши, мало чем отличающиеся от двухмесячных детей человеческих.

Я бы даже предположил, что в сравнении с человеческими младенцами такого же возраста, эти лохматики были куда более развиты. Они уже уверенно бегали и барахтались друг с другом!

При появлении матери, игры были отброшены в сторону, и вся малышня кинулась к ней, да так, что Герда сперва даже испугалась такой безграничной проголодавшейся любви, подскочила, но тут же вернулась в прежнее положение. Пискуня сразу же первая присосалась к сиське, Кнопка, увидев такое дело, суетливо присоединилась, Тихоня и Бежка стояли сперва как-то обиженно, но всё же, хоть и на второстепенных правах, последовали туда же.

Солнце закатилось за высотку, и послеполуденная тень напозла на часть двора. В детской песочнице зазвучали детские голоса, и Герда вышла из своего убежища. Жаркий летний воздух трепал её шерсть, которую, как шубу, ты не повесишь на лето в кладовку! Жарко! Бегать не хотелось. Да и куда ей теперь, степенной собаке, ставшей уже матерью, детские развлечения! Она улеглась на травке, то и дело, косясь в сторону своего убежища с малышами.

- Са-ба-а-ка! – подошла маленькая девочка с палкой и стала лупить Герду по голове. Герда отпрянула, зажмурившись, поднялась и отошла. Такое поведение собаки лишь раззадорило маленькую стервозу, которая восприняла это как знак, мотивирующий к дальнейшей агрессии.

- Брысь! Брысь! – она топала ножками и размахивала палкой, тыча ей Герде едва ли не в глаза. Другие малые дети, молча с любопытством, наблюдали сцену. Возможно, девочка, таким образом, самоутверждалась в их глазах. Возможно, она копировала и, увиденное ранее, поведение её родителей. Которое мы можем лишь предположить, глядя на их ребёнка...

(Вообще, часто маленьким детям не свойственно ни милосердие, ни сострадание, как нечто врожденное, но оно формируется со временем под воспитательным влиянием родителей, близких и общества. Поэтому, желая воспитывать в детях эти качества, необходимо им объяснять, что собаке тоже больно, как и другому ребёнку и, вообще, другому человеку, так же, как и ему. И, поэтому, необходимо проявлять милость и сострадание к другим, так бы хотел милости и сострадания к себе самому! Иначе не стоит удивляться, когда в вашей старости ваше собственное дитя пнёт вас под самый зад.... Воспитывать детей – это не овощи в огороде растить! Мало их только поливать прикормками, и окучивать, гораздо важнее вкладывать в них правильные духовные ценности! Это гораздо важнее, чем учить иностранным языкам с ясельного возраста, считая, что, что это и есть их билет в будущее.)

Ну да к нашей песочнице! Итак, мамашки сидели рядом на скамейке, никак не реагируя на проказы ребёнка. Видимо для них это было вполне нормальное детское развлечение, на которое не стоит обращать внимания. Они были всецело увлечены лишь своей болтовнёй про «женское»..., и, считали, что чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало...

Герда попятилась к своей обители, где её всегда ждали её прожорливые малыши. Девочка преследовала собаку, с любопытством наблюдая, словно экспериментируя, словно проверяя её реакцию на те, или иные раздражители.

Тут, вероятно в стремлении «рисануться» перед девочкой, подошёл мальчик. Он жёстко пнул собаку сандалией.

Герда, не вытерпев такого обращения юнца на самом пороге её жилища, зарычала и молнией развернувшись, прижала зубами ногу мальчишке так, как обычно поступала и со своими невоспитанными неугомонными щенками.

(Так собаки обычно воспитывают своих отпрысков. Даже собаки воспитывают своих детей, не то, что люди! Как и все собаки, Герда чувствовала на генетическом уровне человеческое превосходство, и никогда бы не позволила себе напасть на кого бы то ни было без одобрения на то хозяина. Да и вообще, она, как дворовая, а не сторожевая собака не имела мотива «отрабатывать» свой хлеб, пугая прохожих.

Потому и не было ей привито чувство агрессии, которому, обычно, человек сам учит собак, натаскивая их и пробуждая злобу, внушая им что есть «свои» и «чужие», которых необходимо бояться и ненавидеть, в том числе и безжалостно травя лесных зверей, возбуждая в животных их, спящие охотничьи инстинкты. Так что рядом с нами живут собаки, которые являются полным отражением наших, человеческих пороков!)

Мальчишка отчаянно расплакался. Более от испуга. На его ноге, от прикуса, виднелись слабые розовые следы.

- Ах ты, паршивая! – подскочила его мамка. Загалдели и другие. Они топали и размахивали руками.

(Разве они разбирали причинно-следственный связи, разве они оценивали поведение собственного дитяти, которое, возможно, через лет так десять надругается над кем - ни будь из сверстников, а мамашка так же будет его слепо защищать, какое бы он жуткое преступление не совершил, ей важно лишь одно – что бы чадо её избежало наказания, а там, хоть трава не расти! Что поделаешь! Инстинкт! Чистый инстинкт, а вовсе ни проявление признаков «высшей нервной системы», которой так гордится человечество! Так что, в критические минуты, что в подобной этой, мы редко наблюдаем её проявление!)

Герда лишь поджала хвост и сбежала вниз по ступенькам, тут же обступленная обрадованными своими малышами.

Наверху же продолжался кипишь. Матери суетились.

- Может она бешенная? Теперь нужно делать сорок уколов! –
продекларировал со знанием дела кто-то.

Кожа мальчонки была цела, и прикус быстро бледнел, и вскоре совсем исчез, так что едва ли его жизни угрожала опасность. След прикуса ушёл, но страх и мстительная злоба остались. В течение дня ещё многие люди подходили и рассматривали Герду неодобрительно сверху. О чём они там говорили? Она не понимала, обиженно косясь наверх, прикрывая собою своих беззащитных чад.

Солнце приблизилось к западному горизонту, озаряя небо красным заревом. Мягкий тёплый ветер дул в собачью морду.

- Герда, Герда, Герда! - раздалось сверху.

Она подняла голову. Там стояла Катька со своими родителями. Герда радостно подскочила. Кнопка, ухватившись за сиську, продолжала несколько секунд висеть, но, всё-таки не удержавшись, отвалилась, бухнувшись на одеяло, пискнула недовольно. Герда лизнула обиженную лохматую дочку и устремилась наверх. Все щенки рванули за ней, карабкаясь неуклюже по ступенькам. Герда, не обращая внимания на свою малышню, кинулась к этим людям, присевшим на корточки, буквально с распростёртыми объятиями, взгромождая на них по очереди свои передние лапы и облизывая всех подряд. Её зад ходил радостно из стороны в сторону, а люди со смехом отстранялись от этих слюнявых нежностей, отираясь.

- Ну, что, тарапуньки! - папа потрепал щенков по тупорылым мордочкам.

А те тут же принялись играть, задираясь и не больно, игриво кусая руки, гладившие их пушистые спинки, мягкие нежные кожаные лысые животики.

- Завтра ещё двоих заберут! А там, глядишь, и последних пристроим!

- Жалко, Гердочка их больше не увидит! – девочка вытянула плаксиво губки,
- а можно ещё подождать немножко.

- Подожда-ать? Что тут поделаешь! Люди взрослых собак берут неохотно.

Пока они маленькие, ещё можно пристроить. Потом – почти без шансов.

Короче, куй железо пока горячо. Готовы брать, нужно отдавать, - папа утвердительно причмокнул и добавил, - эх, Гердочка! Смотри на своих малых, наверное, в последний раз! Знал бы он тогда, что буквально пророчил скорое фатальное расставание....

- Хорошо хоть двое у неё пока останутся, - вздохнула мама, - даже и не представляю себе, как бы я смогла на её- то месте, без своих-то деток!

- Грустно мне как-то, - добавила Катька.

- Ладно, Катюшка, поиграйся чуток, да иди домой, не загуливайся тут, ладно?

Родители поднялись и отправились к подъезду.

День окончательно закатился. Лишь небо на Западе всё ещё было бледно озарено его уходящими лучами. Мир погружался в ночную мглу летней ночи. Начали включаться уличные фонари, к которым тут же устремились полчища комаров и мотыльков. А Катька обнимала Герду, гладила её весёлых, таких жизнерадостных щенков, которым было совершенно невдомёк, в каком мире они появились, и даже близко не догадываясь, что же их всех ждёт уже с новым восходом солнца....

Частный сектор пригорода погружался во мглу. Петька, нагулявшись вдоволь с приятелями, посмотрел на часы и поспешил к новостройке, куда в одну из бездушных многоэтажек недавно перебралась его семья. Он шёл по умирающей улице частного сектора. Справа – огромная куча древесных чурок, некогда пахнувших корой, свежим древесным распилом и смолой, приготовленных к рубке на дрова кем-то ещё в прошлом году. Слева – высокий, завалившийся набок зелёный забор. Мальчишка спешил домой, где его мама уже ждалась сына к ужину...

Вдруг из-за чурок на мальчика вышел здоровенный рыжий пёс.

- Пират? Это ты? Ты чё здесь...? А... ?

Пёс в ответ лишь злобно зарычал, обнажив жёлтые хищные клыки...

Петькино сердце сжалось, и он побежал ...

Следуя цикличной формуле жизни, обогнув Землю, как это кажется её обитателям, Солнце вновь предвестило приближение нового дня своими гонцами – лучами, озарившими ало восточные горизонты Земли.

Утренняя свежесть выпадала конденсатом росы на траве под наступающим теплом. Едва доносились со стороны частного сектора крики петухов.

Протяжно загудели разбуженные трамваи. Зашаркали метла дворников. Всё

более учащались стуки каблуков по асфальту, гулко разносясь среди бетонных высоток, обступивших двор.

- Ты слышал, чё тута вчера стряслося? – спросил один дворник другого, на пути к месту уборки.

- Чё-ё? – односложно буркнул тот в ответ.

- Да пёс какой то там пацанёнка загрыз! – дворник выпучил глаза из орбит.

- Да ну, да не свисти!

- Да тут свисти – не свисти, а пёс пацана тут недалеко загрыз. Сегодня облава будет! Тут с вашего двора тоже много жалоб поступало в ЖЭС. Там у вас тоже, гово`рят, какой-то мракобес обосновался. Народ шугает, на детей набрасывается. Так что всё-ё!

- Хм! – пожал тот плечами, - а чё, насмерть-то загрыз?

- Да, кажись, нет, но крепко покусал, говорят!

- Ну, слава Богу, хоть так! А то мы эти тварей кормим, жалеем, а они наши детей грызут, падлы!...

Герда, как обычно, дремала, лишь одно ухо продолжало неустанно бдить. Утро несло чувство большей безопасности, нежели ночью. Малыши, сбившись в кучку, сопели под маминым брюшком. Вдруг раздались тяжёлые шаги сверху. Уши Герды наострились.

- Ну-ка, брысь отсюда! Давай-давай! Кому сказал! – мужик в рабочей жилетке и с метлой в руках топнул тяжёлым ботинком.

Герда испуганно подскочила с нагретого сном одеяла. Зарычала.

- Развели тут антисанитарию!

- Ну, всё, милая, приплыли! Баста! Это твоя последняя остановка!

- А я вас сколько вызывал! А вы только щас приехали! – сверху подошёл тот самый хмурый мужчина, на которого рычала Герда. От него буквально источался как какой-то гнилой коричневый запах злобы. Он был плотного телосложения и двигался уверенно, как матёрый хищник, его глаза были наполнены холодной безжалостной жестокостью. Казалось, нет в мире ничего, что могло бы поколебать жёсткое сердце этого человека. Герда снова глухо зарычала, опустив голову.

- Шо ты рычишь, тварь ты безмозглая! Всё-ё! Дорычалась! И тебе, и ублюдкам твоим писец пришёл! Бешеная тварюга! На детей ещё кидалась!

- А мож это она того пацанёнка - то а? – добавил дворник.

- А мож! А хто тут ешо ёсть акромя её-то? Стал быть, она!

Пронзительный собачий визг наполнил пространство среди многоквартирных серых высоток, отражаясь эхом от стен.

- Да держи же ты её!

- Чё ты скалишься, сучье племя!

- Давай-давай! Не рыпайся!

- Тащи её!

Два мужика в синих спецовках с оранжевыми вставками тащили упирающуюся Герду, на голову которой были наброшены удавки, закрепленные на палках.

Эти двое выраженно пахли какой-то смесью пота, адреналина, бензина, металла и табачно-водочного вчерашнего перегара. Собака испуганно смотрела в их злобные точки зрачков, устремлённые на неё, мотая отчаянно головой, упираясь лапами. Сердце выпрыгивало из её груди. В собачьих глазах помутнело то ли от ужаса, то ли от, перетянувших шею, верёвок....

Катя взяла школьный рюкзак, посмотрела на всё ещё спящих родителей с завистью. «Ну почему так! Почему уроки начинаются так рано, да ещё аж целых шесть дней в неделю! Ну, от чего же это такая несправедливость!» - думала она, пытаясь разогнать сонное состояние, подошла к окну, разглядывая улицу. Вдруг её сознание пронзил собачий визг. Адреналин вмиг взлетел в крови до максимального значения.

- Герда! Гердочка, - едва прошептала она, и слёзы неудержимого отчаяния хлынули из глаз. Она вылетела в родительскую спальню, ревя, задыхаясь от собственных слёз, не в силах вымолвить ни слова.

- Доча, что?

- Что случилось? – подскочили родители.

- Там!... Герду!... Забрали! – только и смогла она выговорить со всхлипами сквозь сжатые судорогами плачущего отчаяния скулы.

- Как забрали? – папа подскочил к окну и, осознание случившегося молниеносно прошло его мозг. Он кинулся в коридор. Сердце выпрыгивало из его груди, как при армейском подъёме за сорок пять секунд. Он схватил лишь лежащие на стуле трико, впрыгнув в них на ходу, и, не увидев по ходу

ни рубашки, ни ботинок, как есть, по пояс голый и босой выскочил из квартиры, перескакивая лестничные пролёты, туда, на улицу...

Лязгнули металлические засовы железного ящика. Захлопнулись двери. Стало темно. Но вскоре дверь снова приоткрылась, и кто-то забросил внутрь клетку поменьше, откуда Герда услышала доносящиеся беспомощные пiski своих перепуганных щенят. Запахи бензина и собачьего застарелого страха, от которого всё пространство здесь словно звенело, ударили ей в нос. Чавкающее жужжание стартера подхватил плевками мотор, и всё металлическое чрево собаколовов наполнилось равнодушной к чужому горю тряской движения...

Едва Катин папа достиг первого этажа, неожиданно столкнулся там лоб в лоб с таким же, голым по пояс вечно нетрезвым Петровичем. Они оба выскочили на улицу, не обращая друг на друга внимания. Оба кинулись за уходящей машиной, увозящей в своём чреве их Любимицу! Сосед быстро отстал, ну, куда ему, этому алкашу конченному! А Каткин папа мчался как лось, напролом, тщетно надеясь догнать эту ненавистную машину, которую готов был поймать и разорвать на куски, вместе с её хозяевами.

- Герда-а!... Стойте! – он, яростно мчался вслед, прожигая взглядом удаляющуюся «Газель», крича и размахивая руками.

(Может, то оно и хорошо, что он не догнал её. Ибо не видел он там в ней людей в эту минуту... Хотя, были ли там люди в действительности, если судить не тем судом, что придумали для нас юристы, принадлежащие миру, где всё продаётся и покупается, где всё подчинено человеческому эгоизму!? Но ведь есть же он, Высший суд, который воздаст каждому за содеянное. И праведникам и грешникам. И верующим и атеистам. И «и это была моя работа» тогда не станет оправдательным аргументом, будьте уверены!)

Наполненные отчаянием, возвращались оба мужчины в подъезд.

- Всё, забрали нашу Гердочку! – Петрович утёр слезу, катившуюся по его небритой щеке.

- Скоты! – вторил ему Катин папа, – я бы их..., – он потряс беспомощно кулаками.

На прощание, они молча пожали друг другу руки, впервые. Впервые Катин папа посмотрел на соседа добрым взглядом, внимательно, как бы переоценивая этого, внешне опустившегося человека. Видно, хоть и был тот алкашом, а всё же был куда более человечным, чем многие иные, как бы добропорядочные, граждане....

Газель заехала за серые ворота. Мрачная территория. Содержание, подобное концлагерному. Что там говорить, если человек напридумывал уже столько методик убиения себе подобных, то, что же тут про бездомных-то собак, которых человек сам же и сделал такими, какими они и являются. Добрыми и ласковыми, и наоборот, свирепыми и агрессивными, пытающимися выслужиться перед хозяином и гордыми, независимыми, верными и не очень. Но все они мечтали об одном, простом – просто жить, дышать, носиться по просторным лужайкам, радоваться солнцу и бегать за брошенной хозяином палкой, вскармливать своих щенков, заботиться о них. Но тем, кто попал сюда, этого, видимо, уже не дано. Машина человеческого бездушия приготовила им иную участь...

- Сно-о-ва привезли! Работаете как Стахановцы! А у меня уже даже Адилина* нет! – вылезла какая-то толстая баба в сером халате.

*(*Этот жуткий препарат смерти вызывает паралич дыхательной мускулатуры и мучительную смерть от удушья в течение 15-20 мин, в то время как животное остаётся в полном сознании!)*

- Ничего, тока на всех хватит! – заявил мужик.

Герда смирилась, тихо ожидая своей участи, лишь принохиваясь в сторону, откуда доносился писк её маленьких щенков.

Щенки же отчаянно пищали, испуганные такой переменой. Лишённые материнского тепла и молока, они без устали плакали. Так же, как плачут дети.

- Да заткнитесь вы! Голова от вас кругом!- прикрикнула баба, стукнув кулаком по клетке. Но малыши, притихнув на миг, распищались с ещё большей силою.

Небо затянули тучи, и время от времени моросил дождик. Погода словно оплакивала обитателей этого страшного места, называемого почему-то «приютом», где они мучительно томились в ожидании своей страшной участи, когда страшна уже даже не сама смерть, а способ её прихода! Они смотрели жалобно с надеждой в человеческие лица, которые были непреклонны и неумолимы, равнодушно жующие свою, доставшуюся им «жвачку жизни», выполняющие доставшуюся им жестокую роль палачей. А в этой роли нет места ни сантиментам, ни жалости! Мы можем их понять, как и каждого на этой Земле грешника. Но это понимание наше не спасёт их самих от возврата сторицей всего, ими же и посеянного!

(Ведь все мы сами взываем о милости к Богу, когда в этом остро нуждаемся. И неужто Он сможет услышать нас, через созданную нами же пелену из равнодушия и жестокосердечия, из немилости и равнодушия, которыми мы сами затворяем свой путь к собственному спасению!)

Герда услышала лай, направленный к ней из соседней будки. Это была та самая невоспитанная овчарка, которая частенько выгуливала свою хозяйку во дворе их дома, обрабатывая, по ходу, своими феромонами дворовые детские площадки! Обычно от этого кобеля исходил запах «благородного собачьего парфюма», свойственного псам домашним. «От чего он здесь?» - могла бы подумать Герда. Но вряд ли бы она могла как сформулировать такой вопрос, так и осознать, что же в действительности произошло. Весь её собачий мир пребывал, словно в нашем сне, где происходящие события бывает сложно увязать логически, и которые, будучи, по сути, совершенно нелогичными, такими вовсе и не кажутся. Итак, она всего лишь увидела знакомого пса и гавкнула ему в ответ. Сейчас Герду гнело только отсутствие её щенят и знакомых запахов в этом удручающем месте, а вот теперь появление знакомого пса уже несколько вселяло в неё надежду. Повеяло чем-то знакомым, а это что-то, может и значит....?

- Срок вам, ребята, сутки! Кого не заберут, всё, киндык всем! – прозвучал женский голос, в котором хоть и присутствовали слабые нотки сожаления, но равнодушия в нём было гораздо больше.

Щенки обнюхивали новое узкое помещение с решётками. Вокруг стоял лай. Пискунья так же усердно потягивала в общий унисон. Бежка и Тихоня, утомонившись, свернулись калачиком. Кнопка, как самая любопытная, продолжала совать свой мелкий любознательный носик всюду, словно ища выход из этой безнадёжной ситуации.

Всё вокруг очень напоминало тюрьму, где содержатся смертники, которых на утро ждёт неминуемая казнь. Но всегда остаётся лучик надежды, хотя бы один тусклый маленький лучик

- А-а-а, волонцёры пожаловали! – женщина в сером халате констатировала скорее равнодушно, нежели раздражённо, - ну, хай сабе забауляющца!

Собаки, при виде ребят, сразу же облепили решётки, многие стояли на задних лапах, высовывая носики наружу между прутьями, словно прося: «Ну, заберите меня отсюда, вот, посмотрите, какой я милый преданный пёс!» Их глаза, словно глаза ребятишек в детском доме, за той лишь разницей, что у этих живых существ выбор был ещё у́же и срок предстоящей казни неумолимо отмерял последние часы, последние минуты их земного существования....

Герда тоже подбежала к решётке. Понюхала воздух, но, увы, он был наполнен чужими запахами. Ей передалось всеобщее беспокойство, и она стала подвывать в унисон остальным. Материнский инстинкт заставлял часто биться сердце в тревожном недоумении от внезапной потери её щенков. Молоко, приготовленное для них, уже наполнило с избытком её грудь, призывая материнский инстинкт к кормлению. Она чувствовала, что они где-то рядом, она нервно металась по клетке, но безуспешно.

Молодые люди о чем-то говорили. Собаки пытались разобрать, но это было трудно. Так, обычная глупая человеческая трескотня, где обычно только лишь изредка можно встретить осмысленные слова, типа «на, ешь», «молодец», «гулять», «ко мне», ну, и так далее! Но сейчас знакомых слов практически не звучало...

- Голодные щенки отчаянно пищали, призывая нерадивую мать свою, оставившую своих чад. Они прижимались друг к другу, бесконца кублясь.
- Ой, и не знаю, что с этими щенками делать, - сказал один мальчишка, - так их жалко. Ведь завтра всех убьют. Забрать бы их. Бедные, голодные!
 - Без документов никого не отдадут. Нужно искать им хозяев, что бы те выписали в домоуправлении на них паспорта, - вздохнула одна из девочек.
 - А что, в школе? Ты объявление развесил?- включился другой пацан.
 - Повесил! Ага! Едва повесил, директриса такое устроила! – он вскинул руки.
 - Директриса?
 - Почему? А что не так?- воскликнули дети.
 - Да, говорит, нельзя, мол, детей расстраивать..., что это шантаж, типа, и портит детскую психику.
 - А чё шантаж - то?
 - Ну, я типа того, написал, что, мол, спаси щенка, не то завтра его усыпят!
 - Ага, усыпят! Это они всем тока заливают про «гуманное усыпление». А на деле, мне говорили, как они их тута током...
 - Да ну!?
 - Да-а! Да и уколы те, думаешь многим гуманнее!? ... Они так мучаются!
 - Гуманное убийство! Вообще, разве может быть убийство гуманным! Бред!
 - девочка тяжело вздохнула, - вот вырасту, стану президентом, я все эти убийства животных запрещу! И охоту тоже запрещу!
 - Президентом, говоришь? Ну-ну! А меня в помощники возьмёшь?- усмехнулся один из пацанов.
 - А это зависит, как ты себя вести будешь! – девочка направила на него свой указательный палец.

 - Слухай, а давай ещё остановки обклеим объявлениями?
 - Давай, а я своих родоков ещё попробую уболтать. Только вряд ли они, конечно, согласятся.... Разве что на время.
 - А у меня и так две собаки, мне ещё брать никак не разрешат.
 - Ладно, валим!
 - Пока, хвостатые!

Дети вышли. Это хорошо, когда свои детские забавы дети находят, делая нечто доброе. Но надолго ли их хватит? Чаше после, вырастая, погружаясь в

рутину обязанностей, люди быстро забывают обо всём, вспоминая свои детские «волонтерские» увлечения, разве что, с улыбкой....

Герда слышала писк своих малышей, она нервно дрожала. Рядом была какая-то чёрная сука. Герда обнюхала её со всех сторон. Что-то было в ней знакомое. Какие-то далёкие смутные воспоминания накатились на неё. Собаки не помнят своих матерей. Не помнят своих детей и матери. Не могли они узнать друг друга, мать и дочь. Лишь заволновались на миг, обнюхивая друг друга, и разбежались в разные стороны. Почему она здесь? ... Ух уж эта пресловутая урбанизация, наступление на частный сектор растущих спальных микрорайонов! ...

Соседский кобель, поддавшись общей «нюхательной тенденции», так же присоединился к этому действию. Он помнил Герду ещё по дворовым прогулкам, когда неудержимо рвался к ней, одёргиваемый хозяйкой.

(Вообще, как нам уже известно, то был совершенно невоспитанный пёс, он бросался на всех и вся! Так часто случается, когда люди заводят серьёзное животное, совершенно не осознавая того, что им необходимо серьёзно заниматься! Что уж тут про собак, люди часто и своих детей растят лишь как овощи на грядке, считая, что для исполнения своего родительского долга достаточно только их хорошо одевать, досыта кормить, да платить за новомодные занятия ...)

Это утро не было желанным, не было добрым. Безжалостный диск солнца выкатился из-за горизонта, раскрасив небо на Востоке кровавыми мазка́ми. Мелкая дробь каблуков за забором, отбивала барабанной дробью в аккомпанемент вынесенным смертным приговорам. Некоторые псы, словно предчувствуя неладное, душераздирающе были.

- Что тут у нас за плач Ярославны ссёння?!- в проходе между клетками появилась женщина в сером халате, - ну-ка, тихо!

Она стукнула звонко по ведру. Псы притихли, прижав уши.

Скоро, по распорядку, заработал привычный здесь конвейер смерти. Бездушно и беспощадно. Два здоровых мужика одну, за одной выволакивали

собак к месту казни. Первой попалась в петлю на длинной палке Жучка. Она отчаянно билась, мотая головой из стороны в сторону.

- Тихо, мать твою! – злобный мужик пнул псину сапогом по рёбрам, та взвизгнула и, жалобно скуля, посеменила за палачами. Пришёл последний для неё миг и трескучий ток пробежал смертельным ударом Ватт по её телу, которое исказилось судорогой... Вскоре всё было кончено.

- Следующую! Давай живее тащи, я сегодня спешу домой, хочу пораньше закончить. У меня у дочки день рождения! Ещё подарок нужно заехать купить, – заявил один из них.

(Было странно слышать эти слова из уст хладнокровного убийцы. Странно, что и у него была дочь. И он, как отец, стремился поздравить её с рождением, ускоренно лишая жизни эти беззащитные существа. «Такая моя работа» - часто говорил он себе в оправдание, - «и я не виноват в этих смертях». Кто же тогда виноват? Вероятно, все мы, всё человечество, делающее вид, что ничего об этом не знает. Да просто не желает знать, ведь так проще жить, оставаясь слепыми и глухими к чужой беде. «Зачем так сильно заморачиваться - то? Лучше хлопнуть баночку «пивасика», да и все делов-то!» Так от чего же эти самые люди считают, что их, слепых и глухих, при наличии – то и ушей и глаз, молитвы и стенания о помощи кто-то свыше должен видеть и слышать?!)

Следующая билась в петле соседская невоспитанная овчарка. Этот кобель бил лапами по палке, упирался. С ужасом Герда и остальные наблюдали за этим отчаянным сражением. Некоторые псы выли, видимо предчувствуя приближающийся ужасный конец. Многие тряслись мелкой неудержимой дрожью. Только щенки в соседней клетке ничего не понимали. Они, отчаявшись звать мать, уставшие измождённые голодные сбились в кучу-малу...

- Давай щенков пока, пусть эти успокоятся.

Щенки, оказавшись в руках палачей, лизали им их грубые неласковые ладони, они чувствовали человеческое тепло и надеялись на что-то, даже пытаясь играть с электрическими проводами, орудиями своей смерти...

- Мож, подаришь одного дочке, вот те и будет подарок, - предложил напарник.

Мужик задумался, - да не-е, эти безродные! А я хотел питбуля купить.

Так шанс на жизнь одного из этих весёлых комочков, лишь мелькнул на горизонте и растаял.

А ток всё так же безотказно бежал по проводам, выгибая в агонии собачью мускулатуру, одну за другой

Снова открылась дверь «собачей камеры». На пороге стояли двое. Они набросили Герде на шею петлю. Герда почти не сопротивлялась, лишь мотнула раз шеей, и последовала за убийцами её щенков.

Она тряслась и пыхла пересохшим носом, чуя запах палёной смерти, запах других собак, её щенков, сваленных в кучу рядом. Сказать, что она смирилась? Скорее она просто пребывала в глубочайшей нервной депрессии.

- Стойте! На пороге комнаты смерти появилась женщина в сером халате, - тут нас взорвать из-за хэтой псины обещают! – она усмехнулась.

- И что? – мужики смотрели на неё недоуменно.

- Ладно, у нехо документы оформлены, пусть забирает, взрывник хренов!

- Да, мужчина, а документы то на кого оформлены? – она обернулась в коридор, - не на вас, что ли?

- На соседа доку'менты.

- Вот пусть сосед и приходит.

- Да не может ён, работа у него. Я у меня сутки через трое, я вот тут! Шо, не отдадите шоли?

- Да хай сабе забирает!

Герду вывели наружу.

У входа стоял тот самый Петрович - мужик- выпивоша с первого этажа.

- Ну, милая, Гердочка! – он радостно потянулся к ней.

Герда, увидев его, завиляла хвостом и аж взвизгнула от радости.

- Ну-ну! Счастливица! Повезло ж тебе, - усмехнулась женщина в сером халате.

Герда встала на задние лапы, взгромоздив передние Петровичу на грудь, радостно вылизывала его небритые щёки.

- Тьфу, Ге-е-рдочка, ты меня залижешь. А где твои малые? Да, кстати, а где её щенки?

- А доку'менты на шчанюков то ёсть?

- Не-е-ту,- Петрович выпучил глаза от неожиданного вопроса,- а...а я принесу-у. Завтра принесу! Вы погодьте только!
- Да ла-а-дно! Поздно! Няма тех щенюков ужo!
- Как это няма?
- Как няма!? Вот так и няма! Тутой табе не гасциница! Усё! Забирай хету свою Херду и увсё! Идзи дамой!

Герда смотрела преданно в глаза Петровичу, который повязал вокруг её шеи верёвку, вместо поводка.

- Ну, идём домой, милая! Жаль твоих малых! Эх! Идём скорей из хэтой душегубки!

Герда оглянулась назад, там, позади, в этом лагере собачей смерти остались её щенки. Непоседливая Пискунья, любознательная Кнопка, Тихоня и самая слабенькая из всех, Бежка. Как долго и мучительно она их рожала! Как бережно ухаживала эти месяцы! Сколько материнских волнений пережила ради них! Какое-то гнетущее чувство тянуло грудь Герды, где всё ещё было много молока. Ей было сложно осознать всю фатальность случившегося. Она продолжала ждать и надеяться на то, что вот-вот появятся они, её бесшабашные малыши и снова начнут свою неустанную борьбу за место у её брюшка Герда с радостью смотрела вперёд, на зелёные ухоженные газоны, на эти аккуратные выбеленные снизу деверья вокруг, на скамейки, на привычно громыхающие трамваи. А столько чудеснейших ароматов вокруг! Голова Герды кружилась от нахлынувшего на неё потока эмоций от радостного спасения. Позади серый страшный забор. Позади клетки и ток. Позади её мертвые щенки, её мать Жучка, соседская невоспитанная овчарка, лежащие среди множества иных, оскаленных смертью собачьих трупов.

- Эх, милая, повезло тебе! – Петрович присел на скамейку на автобусной остановке, - вот ён, твой пашпорт. Шо б ты без него! Енто твой пропуск в жизнь.

Герда смотрела на него, ничего не понимая, кроме того, что самое страшное уже позади, а Петрович продолжал.

- Воно оно как! Без бумажки у тебя даже и права то на жизнь няма! Да-да-да! Да все мы без бумажек – букашки сран...е! Да и ваще, всем щас только бабки подавай. Весь мир сошёл с ума. Съихал с глузу. Слетел с катушек полностью. Всем нужон только успех! Я вон, по молодости, когда в Афган шол, про успех и бабло не думал. Исполнял перед Родиной свой интернациональный

долг, а шо я теперь? Да шо я, всем мы, такие же, как я. Выпнула нас Родина под зад! В сторожах теперича прозябаем. Им на людей с...ть большой колокольни..., что уж тут про собак...!? Так шо мы с тобой никому не нужны. Мы с тобой всем только мешаем. Потому им легче нас убить, чем кормить. Вот, мы, бедолаги, потому и должны друг другу памагать!

Герда смотрела грустными, полными благодарности, глазами на мужчину, слушая его длинную непонятную речь, потом уткнулась мордой ему в колени. А он гладил её морду, уши, а она радостно виляла поднятым хвостиком.

- Только что зробишь без грошей и положения. Вот и щас, если б не сосед, хэтот важный зазнайка, паспорта бы у тебя не было, а значит, щас бы ты ужо мене тута хвостом не виляла!

И снова вот он, ставший родным, двор! Двор, в который вернуться уже и не надеялась бы, если бы понимала до конца, что с ней произошло. Однако, собаке свойственно верить в недостижимое. Поэтому зачастую её вера умирает с ней самой. Собачья вера, это в действительности то, что уж точно умирает последней! Так что Герда, всё-таки верила в возможность своего чудесного возвращения. Она рванула круг по двору, останавливаясь лишь на мгновение, что бы втянуть знакомые запахи феромонов, исходящие от кустов, деревьев и скамеек. (Увы, вряд ли люди смогут разделить данные собачьи радости запахов!)

Ведь это был запах свободы, так особо ценимой именно после её лишения! Ведь обрести вновь утраченное и есть высшее счастье, которое то и возможно прочувствовать, только едва не потеряв! Герда кинулась к своей былой обители у входа в подвал. Сбежала вниз по ступенькам. Но, увы, здесь было пусто, не пищали её малыши, не было привычной подстилки. Лишь по углам ещё оставался такой родной запах, который она тщательно вынюхивала, словно надеясь воскресить то, чего уже нет, и не будет! Её материнское сердце отказывалось понимать это. Если собаки и плачут, говоря человеческим языком, то Герда сейчас горько плакала, так горько, что глаза её стали мокрыми и весь мир вокруг погрузился в мокрую пелену, искажая своё изображение. Этот искажённый мир вокруг, где все, изображая внешнюю добродетель и действуя, как бы, во имя добродетели,

способствовали, так или иначе, её погребению. Весь мир в этот момент наполнился чем-то тяжело гнетущим.

- Герда! Герда! – раздались сверху радостные знакомые голоса.

Герда подняла грустную морду. Это была Катька с родоками.

Герда резво вылетела им навстречу, заворачивая «ласты», едва не сбила с ног. Они гладили её, она лизала благодарно их руки.

- Спасибо, Петрович, - Катин папа протянул руку для рукопожатия.

- Да няма за что! Эт вам спасибо! – отмахнулся он, - ну, по'йду я! Ежели шо..., - он почесал затылок и, не закончив мысль, пошагал к подъезду.

Видимо «трубы уже горели» и всё иное отступило на план задний.

- Эх, обидно, щенков не спасли! – глаза Катьки были на мокром месте...

Катин папа грустно покивал головой, потом встряхнулся, - ну, Гердочка, а сейчас - домой, мыться. Ночуешь сегодня у нас, ну а завтра поедем искать тебе дом....

Белая Сиерра остановилась возле большого добротного частного дома. Герда выглядывала с любопытством из приоткрытого окна. Чистая, бежевого бархата шерсть Герды, впервые за последние полтора года лоснилась. Здесь, на заднем сидении, она чувствовала себя в безопасности и её глаза время от времени безмятежно закрывались. Но, всё же, она чувствовала, что всё происходящее сейчас, касается именно её. Она шевелила ушами, прислушиваясь к происходящему снаружи.

- Хозяин дома? – крикнул Катькин папа.

- Ну, и? – высунулся недовольного вида мужик в кепке.

- Мы по объявлению.

- Я мотоцикл уже продал, - обрезал тот и уже собирался скрыться.

- Да не-е, вы писали, что собаку хотите.

- Соба-а-ку? – тот приподнял кепку, - ну и где?

- Да вот, в машине сидит.

Мужик вздохнул. Раскачивающейся важной походкой, словно ему в штанах что-то мешало ходить, направился к воротам.

- Это вот та? – он небрежно ткнул пальцем в сторону Герды.

- Она. Знаете, она очень умная. Будет вам отличным другом!

- Дру-у-гом? А чё за парода-то?

Каткин отец замялся, - па-ро-да-а....

- А-а, всё ясно! Короче, «Двор-терьер»! Да?

- Терьер...? Ну, да, какой-то там терьер..., не знаю..., очевидно, Катин отец не понял сказанное.

- Какой-то! Знамо какой! – рассмеялся хозяин дома, - дворняга, говорю!

- А-а, ну, как знаете!

Катя видела, как сконфузился отец, и вмешалась.

– Но она очень умная, добрая, хорошая!

- Добрая! Хорошая! – повторил мужик, - мне поро-о-дистая нужна!

Мне важно иметь породистую. Что я жене, друзьям скажу? Что у меня дворняга безродная, зато добрая?

- Ну и зря, такую собаку найти это ещё...!

- Слухай, - перебил мужик, - вот у тебя иномарка, а чё не Жигуль-то, а? Во-о-т, видишь! Имидж никуда не денешь! От того, какая у тебя машина, жена, собака, так и тебя будут люди воспринимать! Так что извиняйте..., - он скрылся в дверях.

- Эх, Гердочка..., - Катин папа просунул руку в приоткрытое окно, потрепал её.

Собака виновато смотрела ему в глаза.

- Пап, а мож и лучше, что он отказался? Он плохой дядька, я чувствую.

- А и то верно! Всё, что ни робится, робится к лепшему! Поехали дальше, у нас ещё пару объяв имеется...

- Эт шо, сука? – смотрел на Герду очередной «кандидат», - не-е-е! Сука мне не нужна! На кой мне щенки и весь этот геморрой. Я потом со щенками париться не х`очу..., усё, пошёв я....

«Сиерра» остановилась у следующего дома. Высокий зелёный забор.

- Мне, вообще-то сторож нужен, - плотный, как сейчас модно говорить, «брутальный» мужчина осмотрел скептически Герду, - а это щё?

- Она, конечно, не сторожевая собака, но она умная, поймёт, что вы от неё хотите, посмотрите, как она смотрит. Если не подойдёт, позвоните, приедем, заберём, вы только попробуйте....

- Да не-е-е-! Мне нужна свирепая злая собака, шоб дом охраняла! – он провёл в воздухе рукой, словно очерчивал свои «купеческие хоромы», - а эта и лаять то, небось, не умеет.

Он усмехнулся и добавил безапелляционно, - да, ладно, кончай, мужик, пустой базар, не нужна мне твоя псина, оставь её себе!

- У-у-у-ваув! – подала Герда голос ему вслед, словно стремясь опровергнуть сказанное.

Да, она не могла понять своими собачьими мозгами происходящее, но общая суть ей, всё-таки, была понятна. Это как когда смотришь фильм на чужом языке. Что-то ведь, да поймёшь! Вот так же и псы, очевидно, понимают людей, в меру своих собачьих возможностей.

- Чё-ё-ё! Кто тут лает? Да ла-а-дно! Всё равно не страшно, - мужик приостановился, - мне нужна собака, при одном виде которой, любой чужой бы в штаны наложил! - он махнул рукой, и закрыл ворота.

- Ну, всё, вариантов на сегодня пока больше нету.

Белая «Сиерра» ехала по полупустой, по причине выходного дня, дороге. Все молчали. Наконец, тишину нарушила Катька.

- Ну, вот и хорошо, будешь сегодня у нас, - она провела ладонью по шерстистой голове собаки, которая, уже так же намаявшись, лежала, не шевелясь, лишь виновато вращая, время от времени, глазами.

Ей почему-то было грустно. Хотя и хорошо одновременно. Собаки не умеют строить дальние планы, ограничиваясь лишь текущим моментом. Здесь и сейчас! А сейчас она чувствовала себя в безопасности, хотя и понимала, что что-то вокруг неё, что должно было произойти, не сложилось. И это всех печалит, а значит, это печалило и её.

- О! Смотрите, автоцентр, - вдруг нарушила тишину Катькина мама, - а давай их спросим?

- Автоцентр? – усмехнулся отец, - Герда, у тебя как с этим.... с ПТУ? У тебя там слесарского разряда никакого нету? А?

Услышав своё имя, Герда подскочила, и принялась лизать его в шею.

- Да ладно ты, - весело отмахнулся он.

Но машина резко притормозила, и свернула к забору со шлагбаумом, где значилась надпись большими буквами «СТО».

- Вам куды? – в окошко КПП выглянул человек.

- Да тут дело такое, вам собака для охраны не нужна?

- А вы чё, от Михалыча?

- От кого?

- От Михалыча, ховорю?

Люди в машине переглянулись.

- А мож и от него, я сам не знаю точно, вам собака для охраны, спрашиваю, нужна?

Тут появился второй охранник.

- Чё они хотят? – он нахмурил брови.

- Да эт, от Михалыча! Собаку нам привезли!

- Ну, слава богу! А где?

Герда, услышав разговор, высунула морду в приоткрытое окно, наблюдая за действием снаружи.

- А она точно, сторожить буде? А? Или всех, кого попало, тута нам пропустит? А? Где взяли то? С улицы?

- Да не-е-е!

- А! А то с улицы-то она сторожить не буде! Добрые они все на улице-то, зашуганные, а нам нужно шоб и зубы могла показать. Нам умная собака нужна. Шоб знала, где свои, где чужие. На клиентов шоб без дела не бросалась, а ночью шобы охраняла, как собака Баскервилей! А эта же ласковая, небось, с детьми, вон, играет, такая охранять не сможет!

Герда видела, как незнакомец приближается к машине, размахивая оживлённо руками. Чувствовала она и общее беспокойство, при этом, хозяина. Она оскалила зубы и зарычала, как настоящий цепной пёс, дёрнулась мордой вперёд, атакуя, раздался свирепый лай, разносясь по тихой окрестности.

- Ну, нифига себе! – мужчина, вздрогнув, отскочил, - она и лаять умеет?!

- Как зовут- то тебя, милая? – рассмеялся первый охранник, - я ж ховорю тебе от Михалыча хэта! Он присылать чё попало не станет!

- Герда её зовут.

- Ну, усё, Херда, свой экзамен ты прошла!

- Ла-а-адно! Годится, - согласился второй охранник, - давай, ставь её на довольствие! Пусть в столовке ей пайку выпишут.

- Во, как! – переглянулась Катька с родителями, - как всё серьёзно! На довольствие! Пайка!
- Ещё, небось, и трудовая книжка будет?
- Конечно будзе! Усё, як положено!
- Ну, вот и, слава Богу! Хорошо, что я предложила сюда заехать! – тихо сказала мама, улыбаясь.

Герда вышла из машины.

- Ну, Херда, ты меня- то не покусает, а? – охранник несколько осторожно пропустил на территорию пса.
- Та подошла к нему, словно всё понимая, понюхала, обернулась в сторону хозяев, как бы прося одобрения.
- Давай, Гердочка! Теперь это твой новый дом....

Герда лизнула ногу охранника, и потрусила обнюхивать территорию.

- Давай, девочка, принимай территорию! – улыбались охранники, явно довольные умной псиной.
 - Герда, - едва крикнула Катька, но её осекли.
 - Тише, не будоражь её. Сама знаешь, долгие проводы – лишние слёзы. Пусть привыкает к новой обстановке, - отец прижал дочку, у которой уже наворачивались слёзы.
 - Мы что, её больше не увидим?
- Охранник, услышав вопрос, задумался, наклонился к девочке.
- Для неё будзе лучше, если нет! Ей нужно к новой хате привыкать, а то ведь собаки, сами знаете как, ещё уцачёт за вами, шукать станет, тосковать будзе...

Герда же бежала по просторной, огороженной забором, территории автоцентра, обнюхивая всё вокруг. Она знакомилась со своим новым местом жизни, местом своей службы, своей работы. Столько новых запахов открывалось ей в этот миг! Она на минуту остановилась, обернулась назад. Там стояли они, её избавители, её, до недавнего времени, семья. Они прилипли к прутьям забора, смотрели, но не окликали её. Она так же посмотрела, проникновенно задумавшись, словно понимала, что прощается с ними навсегда. Видимо, её так же мучило это гнетущее чувство тоски от расставания, так портившее недавнюю радость. И, наверное, чтобы не изводить своё сердце грустью, она побежала вперёд!

Беги Герда! Пусть твои уши развеваются по ветру! Радуйся жизни, солнцу, запахам вокруг! Уж нет в живых ни твоих щенков, ни твоих друзей, Черныша, убита и твоя мать, давно утоплены твои братья и сёстры.... А тебе вот повезло, так что беги, не оглядываясь назад, только вперед, в новую жизнь!

А белая «Сиерра» исчезала печально из вида. Навсегда...

Прошла примерно неделя.

К воротам автоцентра подъехала крутая «иномарка».

- Начальство приехало! – засуетились охранники, отворяя ворота.

- Ну что, банда? – открылось тонированное стекло, явив миру лысый образ владельца этого заморского чуда «автопрома», - я вам настоящего сторожа привёз. Настоящий Ротвейлер! Злю-ю-ющий, зараза! Знакомьтесь!

Охранники недоумённо опасливо подошли к машине.

- А-а-а, у нас уже есть собака! Такая хорошая собака, такая...

- Это вон та, что ли? – оборвал его хозяин, ткнув пальцем в сторону Герды, - да бросьте вы шутить! Разве это собака? Вот это пёс, так пёс! Ротвейлер!

Порода! Всё, принимайте!

- А шо нам с тоей-то робить? Ана уже на довольствии у нас! Да и привыкли мы...

-А-а-а! – махнул рукой начальник, не ответив на вопрос. Стекло в «иномарке» поднялось, и машина уехала.

А огромный тёмно-коричневый Ротвейлер дышал рядом, роняя слюни на землю. Герда всматривалась в его сторону напряжённо из будки, предчувствуя нечто неладное. Оба охранника переглянулись недоуменно. ...

Что же дальше? Оставлю это на выбор самого читателя. Ведь и в реальной жизни очень многое зависит именно от нашего с вами выбора. Задумайтесь каждый раз, стоя в жизни перед дилеммой, какой вы хотели бы видеть финал этой истории? Что вам по силам для этого предпринять? Разве ли вы полностью бессильны? Допишите эту историю сами своими поступками в вашей реальной жизни!

П.С.

Конечно, всё эти заботы и беспокойства о тварях иных - лишь дополнительные обязанности и "головная боль" для каждого, создающие массу неудобств и даже конфузов. Соглашусь с этим. Ведь для среднего человека Все, что не приносит ему выгоды - отравляет его жизнь и комфорт. Но никто и ничто так не отравляет все вокруг, более, чем сам человек!

И давно уж пришло время "платить по счетам" и начинать возвращать, а не только потреблять!

Благодарю всех, кто хоть раз оказался не равнодушным к чужой беде. Будь то беда животного или человека. И кто хотя бы раз проявил сострадание, ибо именно сострадание - есть высшее качество "человека-разумного", особое свойство его «высшей нервной деятельности», которое само по себе, без сострадания и милосердия ничего не стоит!

Только это свойство, сближающее человека с Создателем, способно сделать этот холодный черствый равнодушный алчный мир чуточку лучше. Ведь если каждый хотя бы пошевелит пальцем, и сделает даже самую малость вопреки своему комфорту, ради добра, небеса разверзнутся, и Божья благодать снизойдет на эту грешную землю! У каждого есть шанс во спасение Мира, во спасение души своей, что непомерно важнее спасения тела тленного, ибо душа бессмертна!

Твори добро, и вернется все тебе "столицей". Ибо Бог - он в нас только лишь через добродетель. Мы - есть часть Его. Божья благодать - в наших с вами руках! Все мы ничтожны, и все мы взираем с присущим нам раболепием на Всевышнего, как "рабы Божьи". Но нередко сами - с презрением на тех, кто надеется, в свою очередь, на милость нашу! Не мы ли сами, порождая равнодушие, зло и жестокость на земле, после, его же и получаем назад в ином, ещё более искажённом, уродливом виде, по отношению к себе или нашим близким, чтобы больнее прочувствовать всю боль...?

Будьте же милостивы к иным, меньшим, и получите милость сами. Спасибо Вам, кто следует этим заповедям! И да смилостивится Господь над нами, так же, как и мы проявляем милость нашу!